

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2024

№ 32

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

**Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»**

Н.А. Мишанкина (Томск, Россия) – главный редактор
Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – зам. главного редактора
С.С. Земичева (Москва, Россия) – отв. секретарь
Н.В. Свада (Томск, Россия) – зам. отв. секретаря

В.Ю. Апресян
(Москва, Россия)
Н.Д. Голев
(Кемерово, Россия)
А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова
(Томск, Россия)
В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Мызников
(Москва, Россия)
А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде
(Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш
(Грац, Австрия)
Е.А. Юрина (Москва, Россия)
И. Янышкова
(Брюно, Чехия)

**Editorial Board of the
*Russian Journal of Lexicography***

Natalya A. Mishankina (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
Svetlana S. Zemicheva (Moscow, Russia) – Executive Editor
Natalya V. Svada (Tomsk, Russia) – Deputy Executive Editor

Valentina Yu. Apresyan
(Moscow, Russia)
Nikolai D. Golev
(Kemerovo, Russia)
Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova
(Tomsk, Russia)
Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)
Sergey A. Myznikov
(Moscow, Russia)
Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)
Olga V. Felde
(Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokorúš
(Graz, Austria)
Yelena A. Yurina (Moscow, Russia)
Ilona Janyšková
(Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Приемышева М.Н., Стукова Е.Г. К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии: нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции	5
--	---

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Боброва М.В., Гайдамашко Р.В. Современная коми-пермяцкая фитонимическая лексика в связи с вопросами ее лексикографирования	24
Драгичевич Р.Д., Королькова М.Д., Рыжова Д.А., Шапич Ю.Л., Якушкина Е.И. Новый большой сербско-русский словарь (общая концепция и проблемы лексикографического описания)	43

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Купчик Е.В. Реализации когнитивной модели «человек – оружие» в русских поэтических текстах (на материале словарей образов)	61
Лаптева М.Л., Васильева Ю.А. Маркеры языковой толерантности/интолерантности в современных фразеографических словарях	81

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Priemyshcova M.N., Stukova E.G. On the notion “normative dictionary” in Russian explanatory lexicography: Normative-stylistic and orthologic traditions	5
---	---

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Bobrova M.V., Gaidamashko R.V. Modern Komi-Permyak phytonymic vocabulary in connection with issues of its lexicographying	24
Dragićević R., Korolkova M.D., Ryzhova D.A., Shapich Yu.L., Yakushkina E.I. A new large Serbian-Russian dictionary (a general conception and problems of lexicographic description)	43

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Kupchik E.V. The implementation of the cognitive model “human – weapon” in Russian poetic texts (based on dictionaries of images)	61
Lapteva M.L., Vasilyeva Yu.A. Markers of linguistic tolerance/intolerance in modern phraseological dictionaries	81

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.17223/22274200/32/1

К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии: нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции

Марина Николаевна Приемышева¹,
Екатерина Григорьевна Стукова²

^{1, 2} Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹ mn.priemysheva@yandex.ru

² e.g.stukova@gmail.com

Аннотация. Анализируется проблема параметров и объема понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии. Устанавливается, что в нем смешиваются две традиции осмысления: нормативно-стилистическая (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Ю.С. Сорокин и др.) и ортологическая (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов и др.). Выявляется генезис и специфика обеих интерпретаций. Обосновывается необходимость углубленной разработки категории нормативности для толкового словаря большого типа, описывающего словарный состав в его стилистическом многообразии.

Ключевые слова: толковая лексикография, литературная норма, нормативный толковый словарь, история отечественной лексикографии

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00407 «Лексикографические принципы нормативности и историзма на современном этапе: разработка типологических характеристик большого цифрового академического толкового словаря русского языка», <https://rsfc.ru/project/23-28-00407/>

Для цитирования: Приемышева М.Н., Стукова Е.Г. К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии:

нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 5–23. doi: 10.17223/22274200/32/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/32/1

On the notion “normative dictionary” in Russian explanatory lexicography: Normative-stylistic and orthologic traditions

Marina N. Priemysheva¹, Ekaterina G. Stukova²

^{1, 2} Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,

Saint Petersburg, Russian Federation

¹ mn.priemysheva@yandex.ru

² e.g.stukova@gmail.com

Abstract. The authors analyse the parameters and the application of the notion “normative dictionary” in Russian explanatory lexicography. It is established that two traditions of interpretation are combined in this notion: the normative-stylistic one (L.V. Shcherba, V.V. Vinogradov, Yu.S. Sorokin, and others) and the orthologic one (D.N. Ushakov, S.I. Ozhegov, L.I. Skvortsov, and others). The genesis and the specifics of both interpretations are uncovered. Both traditions arose in Soviet lexicography in the 1930s, when this term appeared in common use. An explanatory dictionary’s normativity as a normative-stylistic category, which is aligned with the description of literary vocabulary extracted from classic texts in all its stylistic diversity, was comprehended in lexicographers’ works in the 1940s–1980s. In this period, the theoretical problems were being resolved in Russian lexicography, and the challenge of creating a normative-stylistic dictionary was issued. On the contrary, the comprehension of an explanatory dictionary’s normativity as a prescription of correct pronunciation, spelling, conjugation, etc. appears along with the need in a reference book for correct language use addressed to a wide audience. This tradition arose when D.N. Ushakov’s *Russian Explanatory Dictionary* (1934–1940) was being created and was finally established in Russian lexicography after the appearance of S.I. Ozhegov’s one-volume *Dictionary of the Russian Language* (1949). One of the reasons why two different traditions were combined in the current comprehension of the term “normative dictionary” was the lack of research on this problem in the 1930s when the term itself came into scientific use. As an evidence for the fact that the term was understood in various ways, the authors show some materials taken from a discussion dated by 1939 (first published in 2023) with S.P. Obnorskiy, D.N. Ushakov, V.I. Chernyshev, L.V. Shcherba, and others among its participants. Most of them emphasized the complexity of the task to create a normative explanatory dictionary that was due to the vagueness of the category of normativity itself. Another reason why two

terminological traditions were mixed in one term was the popularity of the genre of one-volume prescriptive dictionary (like Ozhegov's one) and the transfer of its normative specificity onto other Russian explanatory dictionaries. This was supported by the orthological understanding of *norm* (language standard) that was deeply elaborated in Russian linguistics in the 1950s–1980s. The authors conclude that nowadays, due to predominance of the orthological interpretation of the explanatory dictionary's normativity, it is necessary to provide an in-depth investigation into the specifics of the category of normativity for the explanatory dictionary of the *great type*, which is aimed at describing the wide stylistic diversity of Russian vocabulary.

Keywords: explanatory lexicography, literary norm, language standard, normative explanatory dictionary, history of Russian lexicography

Acknowledgements: The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00407, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00407/>

For citation: Priemysheva, M.N. & Stukova, E.G. (2024) On the notion “normative dictionary” in Russian explanatory lexicography: Normative-stylistic and orthologic traditions. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 32. pp. 5–23. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/32/1

Вводные замечания

Термин «норма» относится к базовым терминам лингвистики, и под ним, как правило, понимается «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [1. С. 337]. Неотъемлемой частью понятия следует считать также и то, что социально одобряемые языковые нормы являются исторически сформированными и кодифицированными, т.е. закрепленными в грамматиках и словарях. Традиционно в учебной лингвистической литературе выделяются нормы орфографические, орфоэпические, грамматические, лексические и стилистические. И если нормы «правильного написания», «правильного произношения», «правильного сочетания слов», зафиксированные в орфографических, орфоэпических словарях и в грамматических справочниках, признаются и осознаются носителями языка почти безусловно, то нормы лексические и стилистические, описываемые, как правило, в толковых словарях, представляют собой очень уязвимый и трудный для кодификации объект, как ввиду непрерывного динамического характера лексико-стилистической системы, ее постоянной социально-исторической обусловленности, так и отсутствия четких критериев функционально-стилистической оценки

целого ряда языковых фактов при составлении толковых словарей (см., например, [2; 3]). Так или иначе, понятие нормативности в отечественной толковой лексикографии является настолько общепринятым и аксиоматичным, что словосочетание «нормативный словарь» в отношении ко всем толковым словарям русского языка – от однотомных до многотомных, к которым прежде всего относятся «Словарь русского языка» в 4 т. под ред. А.П. Евгеньевой и «Словарь современного русского литературного языка» в 17 т. (БАС), – стало универсальным формуляром, хотя очевидно, что эти словари реализуют принцип нормативности в соответствии с разными установками. И если в отношении однотомных толковых словарей понятие «нормативный» принимается исследователями бесспорно, то в отношении многотомных словарей, таких, например, как БАС, это понятие всегда подвергалось критике.

Так, несмотря на заявленный в предисловиях всех трех изданий БАС тезис о том, что этот словарь является *нормативным*, многие лингвисты уже давно ставили проблему спорности данного утверждения, особенно в одновременном соотношении с также постулируемым в концепции словаря принципом историзма. Так, в 1939 г. в рамках дискуссии о проекте будущего «Словаря современного русского литературного языка» Л.В. Щерба подчеркивал: «Сделать так, чтобы Словарь был нормативный, чтобы Словарь был исторический, чтобы Словарь был толковый, да еще чтобы краткий, невозможно. Я думаю, что это в значительной мере несоединимые вещи» [4. С. 108]. Подобные же сомнения высказывали В.И. Чернышев [4. С. 92–102], В.В. Виноградов [5. С. 3–4], Е.Н. Толикина [5. С. 16–18]. Чуть позднее об этом писал Ю.С. Сорокин: «...принцип нормативной оценки [в БАС] с точки зрения нашей современности явно мешает установлению ясной исторической перспективы, а для нормативного словаря нашей эпохи он недостаточно определен в самом своем составе и недостаточно конкретен в своих оценках и рекомендациях» [6. С. 24].

Основным выводом, который возникает при анализе использования, казалось бы, общепринятого термина «нормативный словарь» применительно к толковым словарям, обладающим разным охватом лексики и предназначенным для различных аудиторий пользователей, становится закономерный вывод о неоднозначности и различном объеме понятия «нормативность толкового словаря». Однако в отечественной терминологической традиции это понятие не дифференцировалось по типам толковых словарей.

История показывает, что проблема нормативности, на первый взгляд, сугубо *теоретическая*, каждый раз актуализируется в связи с *практическими* потребностями лексикографии, а именно в периоды разработки и реализации новых словарных концепций. Так, первые попытки научного осмыслиения этой категории относятся к концу 1930-х гг., когда формировалась концепция будущего БАС [4; 7; 8]. Следующий импульс дискуссия о нормативности толкового словаря получила в середине 1960-х гг. (после завершения работы над четырехтомным и семнадцатитомным словарями) и была связана с обсуждением перспективных словарных проектов [5; 6; 9]. Затем этот вопрос серьезно ставился в начале 1990-х гг. в связи с созданием проекта «Нового академического словаря», базирующегося на принципе синхронности [10; 11].

И, наконец, новый всплеск актуальности отмечается сегодня – в связи с началом разработки концепции следующего толкового словаря большого типа. Так, в настоящее время уже намечены новые подходы к типологизации будущих толковых словарей и созданы научные предпосылки для выработки программы развития нормативной толковой лексикографии цифровой эпохи [12–14]. При этом закономерно возникла необходимость некоторого переосмыслиния и такого базового типологического параметра толкового многотомного словаря, как нормативность. Представленные ниже наблюдения являются результатом этого переосмыслиния.

Проблема формального и нерефлексивного использования термина «нормативный» применительно ко всем полным толковым словарям русского языка XX – начала XXI в. представляется следствием двух основных причин. Во-первых, это теоретическая неразработанность понятия нормативности во время его возникновения в 1930-е гг. В одном термине, с момента его возникновения, смешивались две различные традиции понимания нормативности: как *отражения существующих лексико-стилистических норм* (нормативно-стилистические словари) и как *нормализаторства* в отношении орфографических, орфоэпических, грамматических норм и в последнюю очередь – норм лексических и стилистических (ортологические словари). Вторая причина – это доминирование *ортологической* традиции в кодификации литературной нормы в 1950–1980-е гг., которое привело к тому, что лексикографический принцип нормативности стал осмыляться, прежде всего, в связи с ролью толкового словаря как «орудия культуры речи».

Проблема терминологической неопределенности понятия «нормативный словарь» в 1930-е гг.

Несмотря на то что уже первый в истории российской толковой лексикографии проект – «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. (САР) – имел нормативные задачи и мог быть отнесен, по мнению В.В. Виноградова, к типу «нормативно-стилистического» словаря [15. С. 219], сам термин «нормативность» появляется в отечественной лингвистике только в начале 1930-х гг. Возникновение этого термина связано с используемым с конца XIX в. под влиянием социолингвистических работ французских ученых понятием «литературный язык». Актуализация идеи нормативности также была обусловлена доминированием в то время социальной повестки в науке, определявшейся социально-политическими потрясениями Первой мировой войны и Октябрьской революции.

С начала 1930-х гг. понятие «норма» начинает использоваться и в лексикографии. *Нормативным*¹ в это время считается такой словарь, который отражает речевую или языковую норму своего времени (без четкого понимания границ и критериев последней). Так, одно из самых ранних употреблений термина «нормативный словарь» появляется в статье Н.С. Державина и С.П. Обнорского по истории академической толковой лексикографии, где они пишут о САР: «Академия получила не просто задание по составлению словаря, а определенный социальный заказ – дать словарь (как и грамматику), которые явились бы общими *нормативными изданиями*, которые регулировали бы течение литературного языка своего времени. Академическое издание словаря в этом смысле, как оно действительно выполнено, может счи-таться словарем *нормативного характера*» [18. С. 17]. Очень важно, что в характеристике САР авторы сближают понятие нормативности с

¹ Первые фиксации слова *нормативный* в русском языке, по данным Национального корпуса русского языка [16], встречаются в письменных текстах с 1902 г. и реализуются преимущественно в философских сочинениях (например, «этика как нормативная дисциплина» (С. Франк, 1902), «нормативные типы всечеловечности» (В. Иванов, 1909), «нормативное сознание», «нормативная мораль» (Н. Бердяев, 1912)). Впервые слово зафиксировано в 3-м издании словаря В.И. Даля (под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ): «нормативная точка зрения» [17]. Широкое распространение термин получает в конце 1920-х гг., расширяя сферу употребления, но не теряя своего общетерминологического значения ‘связанный с нормой, со стандартом’.

идеей отражения и утверждения устоявшейся на момент составления словаря речевой нормы, представленной с точки зрения ее стилистического расслоения, ср.: «Среди задач, намеченных к осуществлению в словаре, значатся специальными пунктами задачи именно определенной нормализации языка: “отличать слова в возвышенном и среднем слоге употребляемые” (ср. высокий и средний штиль в терминологии Ломоносова), “отделять слова, в сообществе благородных людей слышимые, от слов, между простонародья токмо употребительных” (низкий штиль у Ломоносова)» [18. С. 17]. То, что авторы широко понимают норму как «традицию, обычай употребления», как это делали и составители САР, становится еще более ясно из статьи Н.С. Державина о необходимости переиздания «Словаря русского языка» шахматовской редакции, в которой ученый использует такие словосочетания со словами *норма, нормативный*, как «речевые нормы национального языка», «нормативные формы национального языка», «нормативный национальный язык», «нормативный язык господствующих классов» [19. С. 3–5].

Однако в те же годы термин несколько иначе интерпретируется Д.Н. Ушаковым. В предисловии к «Толковому словарю русского языка» (ТСУ) в 1934 г. он отмечает: «Составители старались придать словарю характер *образцового*, в том смысле, чтобы он помогал усвоить *образцовый, правильный язык*, а именно, большое внимание обращено в нем *на нормативную сторону*: правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства... Выпускаемый теперь словарь – попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать *установившиеся нормы употребления слов* (здесь и далее в цитатах курсив наш. – М.П., Е.С.)» [20. С. IX]. В этом предисловии словарь еще не называется нормативным, а лишь отмечается, что он отражает *нормативную сторону* языка, при этом нормативность понимается двояко: в функционально-стилистическом («указать установившиеся нормы употребления слов») и в нормализаторском ключе (чтобы словарь «помогал усвоить образцовый, правильный язык»). Именно поэтому, несмотря на нормативную направленность ушаковского словаря, Л.В. Щерба в своей известной типологии охарактеризовал его как

«более или менее компромиссный» [8. С. 96], имея в виду его промежуточное положение между нормативным словарем и справочником.

Следует подчеркнуть, что появившийся в лингвистике 1930-х гг. термин «нормативность» еще не имел четкого понимания. А из приведенных выше высказываний можно сделать вывод, что и в лексикографии этого времени сочетание «нормативный словарь» не являлось общепринятым и традиционным terminologическим обозначением. Яркое подтверждение этому находим в научной дискуссии, в которой приняли участие известные ученые своего времени – В.И. Чернышев, Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков, А.С. Орлов, С.П. Обнорский, В.М. Жирмунский и др. Стенограмма этой дискуссии хранилась в Архиве Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН и была впервые опубликована только в 2023 г. [4]. Обсуждение, состоявшееся в Академии наук 26 мая 1939 г., было посвящено Проекту и рукописи 1-го тома будущего «Словаря современного русского литературного языка», который, согласно решению Президиума АН СССР, должен был стать «толково-историческим и нормативным» [21]. Несмотря на разнообразие затрагиваемой проблематики, участники обсуждения все время обращаются к вопросу нормативности и, в целом, затрудняются дать определение нормативному толковому словарю. Для примера приведем некоторые высказываемые суждения:

А.С. Орлов: «Нормативность – это слово довольно-таки неопределенное» [4. С. 89].

В.И. Чернышев: «Нормативный словарь русского языка – предприятие почти новое для Академии наук и для русской лексикологии вообще. До сих пор смотрели на словарь как на справочное пособие, которое должно вмещать все слова русского языка, литературного и областного, вместе с заимствованиями из чужих языков [...]. Перед нами задание великой трудности: в огромном лексическом запасе слов русского языка, накопившемся в течение двух последних столетий, главным образом в течение одного, последнего, взвесить и оценить каждое слово, чтобы признать его права на внесение в нормативный словарь современного русского литературного языка или найти основания для его исключения из словаря. Задача эта особенно трудна, между прочим, потому, что она не имеет под собой ни разработанной теоретической основы, ни достойных подражания образцов» [4. С. 97].

Л.В. Щерба: «Мне кажется, что самым важным вопросом является вопрос относительно нормативности <...>. Я должен сказать, что это

первая наша такая попытка в этом направлении <...> И я должен сказать, что тут имеется очень много трудного и страшно сложного. И надо, действительно, отдать дань тем, кто впервые за такое сложное дело взялись» [4. С. 109].

С.П. Обнорский: «Прежде всего возникает один общий вопрос – вопрос о нормативности. Ведь нормативность словаря в конце концов толкуется не только в том смысле, что мы выделяем определенную лексику, считаем одно приемлемым, а другое – неприемлемым, мы должны постараться охватить весь язык в целом» [4. С. 116].

Д.Н. Ушаков: «Если это такой справочный словарь, нормативный словарь, то для меня вопрос, действительно ли он должен быть таким большим» [4. С. 128].

Неясность понятия «нормативность» для участников дискуссии, его широкое и нетерминологическое использование очевидны: общее мнение выступающих состоит в том, что нормативный словарь – это явление новое и категорию нормативности чрезвычайно сложно определить. Проблемность этой категории можно проиллюстрировать высказываниями докладчиков о нормативном статусе слова *директорша*:

Л.В. Щерба: «Например, *директорша* в смысле директорши школы, с нормативной точки зрения это не годится. Я сочувствую, что *директорша* не говорят, *директор* школы, а не *директорша*. Но, с другой стороны, как в Словаре это будет? Это надо дать. Можно сказать, что это устарело, но так просто сказать – устарело, нельзя» [4. С. 108].

В.М. Жирмунский: «Я спросил В.И. [Чернышева], как у них будет это? В.И. сказал мне, что *директорша* будет в другом значении, *директорша* – это жена директора. Я тут спросил Д.Н. Ушакова, как у него это обозначается? Он сказал, что в его Словаре это слово имеется в двух значениях, как жена директора и как женщина-директор. Кто прав, я не знаю, но я хотел этими примерами показать, как трудно обстоит дело с нормализацией» [4. С. 120–121].

Спор и сомнения в отношении слова *директорша* очень показательны. В XIX в., который входит в объем понятия «современный русский язык», слово в разговорной речи имело значение ‘жена директора’, а к 1930-м гг. появилось новое разговорное значение ‘женщина-директор’. На примере этого показательного для дискуссии слова становится более понятным предмет обсуждения: что считать

проявлением нормативности в толковом словаре – констатацию стилистического статуса слова в современном языке или же фиксацию только рекомендуемых для употребления слов и значений? К ответам на эти вопросы участники дискуссии не приходят.

Тем не менее, несмотря на отсутствие необходимых для определения типа нормативного словаря установок, в том же 1939 г. для будущего БАС его главным редактором В.И. Чернышевым был принят ряд компромиссных решений, которые в основном следовали за лексикографической традицией, заданной еще при составлении САР и впоследствии скорректированной временем. Нормативность была интерпретирована как стилистическая категория, т.е. в словарь могла включаться лексика различных стилистических регистров (в том числе областная, просторечная, устаревшая), выбранная из *образцовых литературных текстов* («от Пушкина до наших дней»), тогда как основная нормализаторская задача авторов заключалась в правильной (с точки зрения социально-исторических норм) *стилистической оценке* лексики через систему помет. Ср.: словарь «должен явиться проводником правильного понимания социального значения слов русского языка и руководством к общепринятым употреблению слов и оборотов речи в их значениях и формах» [7. С. 342].

Следует подчеркнуть, что хотя В.И. Чернышев является автором одной из первых в истории отечественной лингвистики работ по культуре речи («Правильность и чистота русской речи». СПб., 1911), он все же выбирает для большого толкового словаря традиционное понимание нормативности как *отражения* в словаре *стилистических норм*. Однако, несмотря на это, введение в аппарат лексикографической теории термина «нормативный словарь» не сопровождается на данном этапе глубоким теоретическим осмыслением: *единственным критерием нормативности для отбора лексики в нормативный словарь осталось ее употребление в текстах образцовой литературы*, при этом система помет, принципы их постановки и комбинирования так и не получили объективной интерпретации.

Таким образом, на момент конца 1930-х гг., когда в России велась интенсивная работа над толковыми словарями русского языка (ТСУ, первые тома БАС), которые для дальнейшей русской лексикографии XX в. стали базовыми и по словарям, и по принципам работы, понятие «нормативный словарь» было диффузным, нечетким. Создатели БАС под нормативным понимали нормативно-стилистический сло-

варь, фиксирующий лексико-стилистические нормы своего времени, а в концепции Д.Н. Ушакова, при сохранении стилистической традиции, появляется понимание нормативности как *нормализаторства*, что означало появление новой для России ортологической традиции в толковой лексикографии.

Формирование двух направлений в понимании нормативности в отечественной толковой лексикографии XX в.

Уже в 1940-е гг. ситуация изменилась. Причин этому было несколько, и главная среди них – усилившаяся социально-политический запрос на нормализаторскую работу и, следовательно, на создание грамматик, орфографических словарей и справочников, в работе над которыми принимали участие в том числе и авторы всех толковых словарей. Текущая лексикографическая практика, а также время работали на то, что очень быстро оформились два теоретически различных понимания нормативности толкового словаря.

Первое теоретическое осмысление нормативности в толковой лексикографии связано с работами начала 1940-х гг. Л.В. Щерба и В.В. Виноградов связывают специфику нормативного словаря прежде всего с отражением стилистических норм; возникает отчетливое понимание того, что собственно лексической нормы вне нормы стилистической не существует. Обобщая и продолжая предшествующую традицию нормативности в толковой лексикографии, эволюционно складывавшуюся начиная с САР, оба крупнейших лингвиста трактовали нормативность толкового словаря как *нормативно-стилистическую* категорию.

Так, В.В. Виноградов в монографическом очерке о толковых словарях русского языка использует термин «нормативный» в отношении словарей, стремившихся отразить действовавшие языковые нормы, при этом называя их тип «нормативно-стилистическим» [15. С. 219]. Л.В. Щерба в своей программной статье о типологии словарей не только выделяет нормативный словарь в отдельный тип, называя его академическим словарем и противопоставляя словарю-справочнику, но и, в частности, отмечает: «В чем же должна состоять нормализаторская роль нормативного словаря? В поддержании всех живых норм языка, особенно стилистических (без этих последних литературный язык становится шарманкой, не способной выражать

какие-либо оттенки мысли); далее, в ниспровержении традиции там, где она мешает выражению новой идеологии; далее, в поддержании новых созревших норм там, где проявлению их мешает бессмысленная косность» [8. С. 98].

Через некоторое время термин «нормативно-стилистический словарь» становится профессиональным термином лексикографов, занимающихся составлением *толковых* словарей, а тип нормативно-стилистического толкового словаря начинает осмысляться теоретически. Более того, в целом ряде работ (например, в статьях Ю.С. Сорокина [6], Л.И. Скворцова [22], Ф.П. Сороколетова [23]) в 1960–1980-е гг. ставится задача создания настоящего нормативно-стилистического словаря русского языка. Ср., например.: «Переиздание четырехтомного и семнадцатитомного академических словарей не снимает проблемы создания нормативного словаря, в котором современное словоупотребление было бы представлено в более строгих границах. В идеале этот словарь должен представлять собой тип функционально-стилистического словаря, в котором, по мысли В.В. Виноградова, все многообразие значений и смысловых нюансов слова <...> объединяется в его функционально-стилистической характеристики. С этим словарем связываются особые задачи. Л.В. Щерба, как известно, высказывал мнение, что нормативно-стилистический словарь академического типа должен адекватно отразить лексико-семантическую систему современного литературного языка» [23. С. 20].

Также показательно, что у лингвистов 1960–1980-х гг. толковые словари долгое время не назывались собственно нормативными. Так, в 1984 г. в Институте русского языка АН СССР прошла конференция «Современные проблемы изучения лексики и развития национальной лексикографии (современные *толковые* и *нормативные* словари)»; такой подзаголовок предполагал некое конституциональное различие между толковой и собственно нормативной лексикографией. Все статьи сборника¹ еще пронизаны представлением о различии задач *толковой лексикографии* и *лексикографии нормативной*, к которой были отнесены орфографические, орфоэпические словари, словари трудностей, а также терминологические словари.

¹ По итогам этой конференции был подготовлен сборник «Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре» (М. : Наука, 1988).

Выше было показано, что в самом конце 1930-х гг., одновременно с терминологической идентификацией нормативности как нормативно-стилистической категории, появляется и получает достаточно активную разработку другое понимание нормативности – нормализаторское, условно назовем его *нормативно-ортологическое*. Оно было первоначально реализовано в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и закрепилось в его сокращенном переиздании 1949 г., известном впоследствии (начиная со второго издания 1952 г.) как «Словарь русского языка» С.И. Ожегова. В словаре 1949 г. термин «нормативный словарь» был четко и однозначно определен следующим образом: «Наличие большого опыта советской лексикографии значительно облегчило задачу создания краткого *нормативного словаря*. Словарь является *руководством к правильному употреблению слов, правильному образованию их форм, к правильному произношению*, а также к *правильному написанию* слов в современном русском литературном языке» [24. С. III].

Словарь должен был служить справочником и руководством по «правильному» написанию, произношению, словоупотреблению, образованию форм, он описывал современный ему исторический период, т.е. отражал преимущественно орфографические, орфоэпические, грамматические нормы и нормы словоупотребления. Ввиду ясных и четких задач, а также благодаря популярности жанра справочного однотомного словаря сформулированные таким образом принципы нормативного описания словарного состава и заложили основу для ортологического представления о нормативности как одной из базовых категорий толковой лексикографии.

Популяризации такого понимания нормативности способствовала и получившая широкую разработку в зарубежном языкоznании в 1950-е гг. теория литературной нормы (Л. Ельмслев, Э. Косериу, Пражский лингвистический кружок и др.), и дальнейшее развитие этой теории в работах отечественных ученых (С.И. Ожегова, Ф.П. Филина, Л.И. Скворцова, К.С. Горбачевича и др.), в которых разрабатывался ортологический, культурно-речевой аспект понятия. В результате со временем сложился *стереотип* в отношении понятия «нормативный словарь», закрепленный в вузовских учебниках и пособиях по культуре русской речи. Ср., например, утверждение К.С. Горбачевича: «Современные академические словари – это капитальные пособия нормативного типа, органически включающие в себя

понятие “норма литературного языка”» [25. С. 33], или тезис Л.И. Скворцова: «Лексикография оказывается важнейшим источником распространения и укрепления норм русской литературной речи, а также повышения культуры речи вообще. В собственно нормативном отношении *толковые словари характеризуются известной позитивностью: нормализация в них как бы заложена “изнутри”*. Они включают в себя и демонстрируют те факты, которые соответствуют нормам литературного языка» [22. С. 39].

Эти и подобные им утверждения получили распространение ввиду доминирования в практическом использовании нормативного «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, что, в свою очередь, способствовало *отождествлению* нормативности как *нормализаторского* принципа однотомного словаря и как *нормативно-стилистического* подхода к описанию лексики русского литературного языка в многотомном словаре.

Этому также способствовало нестрогое использование термина «нормативный словарь» в предисловиях ко всем многотомным толковым словарям русского языка начиная с БАС. Простое и ясное для ортологии понятие нормы автоматически переносилось и на большие толковые словари, вследствие чего постепенно складывались стереотипы в отождествлении «нормативного словаря» со «словарем *современного* русского языка» или «словарем *литературного* языка». При этом постепенно все менее заметным оказывалось противоречивое, нарушающее принцип нормативности в ортологическом понимании включение в многотомные толковые словари просторечной, жаргонной, областной, узкоспециальной лексики на основании факта ее употребления в текстах художественной литературы «от Пушкина до наших дней».

Заключение

Итак, на текущий момент можно говорить о двух различных традициях понимания нормативности в отечественной толковой лексикографии. Одна из них, *ортологическая*, возникла в 1930-е гг. с выходом «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и утвердилась благодаря нормативному «Словарю русского языка» С.И. Ожегова. Усилинию традиции способствовали работы С.И. Ожегова, Ф.П. Филина, К.С. Горбачевича, Л.И. Скворцова и многих других в 1950–1980-е гг., закрепившие восприятие любого толкового словаря как «орудия культуры речи» и как «нормативного

словаря». Для этой традиции характерен акцент на отражении орфографических, орфоэпических, грамматических норм; нормы словоупотребления и рекомендуемые стилистические пометы имеют в таких словарях преимущественно предписывающий характер. Вторая традиция, *нормативно-стилистическая*, без терминологической идентификации была представлена в отечественной лексикографии еще с конца XVIII в. в целом ряде академических толковых многотомных словарей и нашла свое специфическое воплощение в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка». Данный словарь не может считаться нормативным в ортологическом понимании, так как он включает орфографические и грамматические варианты различных единиц за более чем двухсотлетний период, а стилистические пометы в нем носят регистрирующий характер.

Однако ортологическая традиция как наиболее разработанная из двух стала доминировать над нормативно-стилистической, а использование термина «нормативный словарь» применительно к изданиям, по-разному описывающим лексические и стилистические нормы, привело к отождествлению различных нормативных установок, с одной стороны, и к размытию границ и объема понятия нормативности – с другой. Главным следствием этого оказалась неразработанность категории нормативности в *нормативно-стилистическом* понимании.

Сегодня эта проблема вновь встает перед лексикографами, занимающимися вопросами перспективы развития толковой лексикографии русского языка. Представляется, что в основе концепции толкового словаря (особенно многотомного), ориентирующегося, прежде всего, на описание лексико-стилистических норм употребления языка, должно лежать традиционное для отечественной лексикографии нормативно-стилистическое понимание категории нормативности, тогда как ее ортологическая сторона в большей степени соответствует задачам словарей-справочников, регламентирующих произносительную, орфографическую и грамматическую нормы. В связи с этим актуальной остается задача детальной разработки понятий лексической и стилистической норм, а также способов их лексикографической презентации в толковом словаре полного типа.

Список источников

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

2. Беликов В.И. Стереотипы в понимании литературной нормы // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М. : РГГУ, 2009. С. 339–359.
3. Беликов В.И. Литературная норма в лексике и ее словарная кодификация // Русский язык в школе. 2011. № 4. С. 79–85.
4. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению проекта и 1 тома Словаря современного русского литературного языка. 26 мая 1939 г. // Большой академический словарь русского языка в зеркале научно-методологической литературы и критики: Справочные материалы (1938–1970) / отв. ред. Р.И. Воронцов. СПб. : ИЛИ РАН, 2023. С. 85–156.
5. Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над «Словарем современного русского литературного языка» (1948–1965) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка. 18–22 апреля 1966 г. Л. : АН СССР, 1966. 32 с.
6. Сорокин Ю.С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкоznания. 1967. № 5. С. 22–32.
7. Чернышев В.И. Принципы построения академического Словаря современного русского литературного языка // Избранные труды. Т. 1. М. : Просвещение, 1970. С. 342–351.
8. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 89–117.
9. Бабкин А.М. Новый академический словарь русского языка. Проспект / отв. ред. Ф.П. Филин. Л. : Наука, 1971. 42 с.
10. Скляревская Г.Н. Новый академический словарь. Проспект / отв. ред. К.С. Горбачевич. СПб. : ИЛИ РАН, 1994. 64 с.
11. Очередные задачи русской академической лексикографии / отв. ред. Г.Н. Скляревская. СПб. : ИЛИ РАН, 1995. 172 с.
12. Воронцов Р.И. Еще раз о нормативности и историзме академического толкового словаря большого типа // История, теория и практика академической лексикографии / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. С. 95–120.
13. Воронцов Р.И. Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82, № 5. С. 87–108.
14. Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27.
15. Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 206–242.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.01.2024).
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд. / под ред. И.А. Бодузана де Куртенэ. М. : Изд-во т-ва М.О. Вольф, 1903–1909.
18. Державин Н.С., Обнорский С.П. История и техника создания словаря русского языка Академии Наук СССР // Вестник Академии Наук СССР. 1932. № 7. С. 13–26.

19. Державин Н.С. История языка и работы Академии Наук СССР над изданием «Словаря современного русского языка» // Вестник Академии Наук СССР. 1932. № 4. С. 1–12.
20. Ушаков Д.Н. Предисловие // Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М. : ОГИЗ, 1934. С. V–XII.
21. Постановление Президиума АН СССР // Вестник АН ССР. 1937. № 7–8. Хроника. С. 80.
22. Скворцов Л.И. Нормативно-стилистический словарь в системе нормативной лексикографии // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / под ред. Ю.Н. Карапурова. М. : Наука, 1988. С. 39–43.
23. Сороколетов Ф.П. О словаре современного русского литературного языка // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / под ред. Ю.Н. Карапурова. М. : Наука, 1988. С. 20–31.
24. Словарь русского языка / гл. ред. С.П. Обнорский ; сост. С.И. Ожегов; отв. ред. И.В. Лёхин. М. : ОГИЗ, 1949. 968 с.
25. Горбачевич К.С. Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии // Современность и словари / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Л. : Наука, 1978. С. 33–45.

References

1. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Belikov, V.I. (2009) Stereotypy v ponimanii literaturnoy normy [Stereotypes in the understanding of literary norms]. In: Fedorova, L.L. (ed.) *Stereotypy v yazyke, kommunikatsii i kul'ture* [Stereotypes in language, communication and culture]. Moscow: RSUH. pp. 339–359.
3. Belikov, V.I. (2011) Literaturnaya norma v leksike i ee slovannaya kodifikatsiya [Literary norm in vocabulary and its dictionary codification]. *Russkiy yazyk v shkole*. 4. pp. 79–85.
4. Vorontsov, R.I. (ed.) (2023) Stenogramma sobraniya Otdeleniya literatury i jazyka AN SSSR po obsuzhdeniyu proekta i 1 toma Slovarya sovremenennogo russkogo literaturnogo jazyka. 26 maya 1939 g. [Transcript of the meeting of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences to discuss the project and volume 1 of the Dictionary of Modern Russian Literary Language. May 26, 1939]. In: Vorontsov, R.I. (ed.) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo jazyka v zerkale nauchno-metodologicheskoy literatury i kritiki: Spravochnye materialy (1938–1970)* [Large academic dictionary of the Russian language in the mirror of scientific and methodological literature and criticism: Reference materials (1938–1970)]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 85–156.
5. Institute of the Russian Language. (1966) *Tezisy dokladov na soveshchanii, posvyashchennom itogam raboty nad "Slovarem sovremenennogo russkogo literaturnogo jazyka" (1948–1965) i perspektivam raboty nad slovaryami sovremenennogo russkogo literaturnogo jazyka. 18–22 aprelya 1966 g.* [Abstracts of reports at a meeting dedicated to the results of work on the Dictionary of the Modern Russian Literary Language (1948–1965) and the prospects for work on dictionaries of the modern Russian literary language. April 18–22, 1966]. Leningrad: USSR AS.

6. Sorokin, Yu.S. (1967) O normativno-stilisticheskem slovare sovremennoj russkoj jazyka [On the normative-stylistic dictionary of the modern Russian language]. *Voprosy jazykoznanija*. 5. pp. 22–32.
7. Chernyshev, V.I. (1970) Printsipy postroeniya akademicheskogo Slovarya sovremennoj russkoj literaturnoj jazyka [Principles of constructing an academic dictionary of the modern Russian literary language]. In: Chernyshev, V.I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 1. Moscow: Prosvetshchenie. pp. 342–351.
8. Shcherba, L.V. (1940) Opyt obshchey teorii leksikografii [Experience of the general theory of lexicography]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i jazyka*. 3. pp. 89–117.
9. Babkin, A.M. (1971) *Novyy akademicheskiy slovar' russkogo jazyka*. Prospekt [New academic dictionary of the Russian language. Prospectus]. Leningrad: Nauka.
10. Sklyarevskaya, G.N. (1994) *Novyy akademicheskiy slovar'*. Prospekt [New academic dictionary. Prospectus]. Saint Petersburg: ILS RAS.
11. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (1995) *Ocherednye zadachi russkoj akademicheskoy leksikografii* [Further tasks of Russian academic lexicography]. Saint Petersburg: ILS RAS.
12. Vorontsov, R.I. (2022) Eshche raz o normativnosti i istorizme akademicheskogo tolkovogo slovarya bol'shogo tipa [Once again about the normativity and historicism of a large-type academic explanatory dictionary]. In: Priemyshsheva, M.N. (ed.) *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoy leksikografii* [History, theory and practice of academic lexicography]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 95–120.
13. Vorontsov, R.I. (2023) Normativity Within the System of Fundamental Categories of Explanatory Lexicography: To the Problem of Dictionary Typology. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i jazyka*. 82 (5). pp. 87–108. (In Russian).
14. Vorontsov, R.I., Priemyshsheva, M.N. & Puritskaya, E.V. (2023) Principles of normativity and historicism in the Russian academic lexicography: The great explanatory dictionary type re-examined. *Voprosy leksikografii –Russian Journal of Lexicography*. 28. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/1
15. Vinogradov, V.V. (1977) Tolkovyje slovari russkoj jazyka [Explanatory dictionaries of the Russian language]. In: Vinogradov, V.V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografija* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka. pp. 206–242.
16. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru> (Accessed: 25.01.2024).
17. Dal', V.I. (1903–1909) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 volumes]. 3rd ed. Moscow: Izd. t-va M.O. Vol'f.
18. Derzhavin, N.S. & Obnorskiy, S.P. (1932) Istoriya i tekhnika sozdaniya slovarya russkogo jazyka Akademii Nauk SSSR [History and technology of creating a Russian language dictionary of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik Akademii Nauk SSSR*. 7. pp. 13–26.
19. Derzhavin, N.S. (1932) Istoriya jazyka i raboty Akademii Nauk SSSR nad izdaniem "Slovarya sovremennoj russkogo jazyka" [History of the language and the work of the USSR Academy of Sciences on the publication of the "Dictionary of the Modern Russian Language"]. *Vestnik Akademii Nauk SSSR*. 4. pp. 1–12.

20. Ushakov, D.N. (1934) *Predislovie* [Preface]. In: Ushakov, D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: OGIZ, pp. V–XII.
21. *Vestnik AN SSSR*. (1937) *Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR* [Resolution of the Presidium of the USSR Academy of Sciences]. 7–8. Chronicle. p. 80.
22. Skvortsov, L.I. (1988) *Normativno-stilisticheskiy slovar' v sisteme normativnoy leksikografii* [Normative-stylistic dictionary in the system of normative lexicography]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of the language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 39–43.
23. Sorokoletov, F.P. (1988) *O slovare sovremennoogo russkogo literaturnogo yazyka* [On the dictionary of the modern Russian literary language]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of the language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 20–31.
24. Obnorskiy, S.P. et al. (1949) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: OGIZ.
25. Gorbachevich, K.S. (1978) *Printsypr normalizatsii yazyka v sovremennoy russkoy leksikografii* [Principles of language normalization in modern Russian lexicography]. In: Filin, F.P. & Sorokoletov, F.P. (eds) *Sovremennost' i slovari* [Modernity and dictionaries]. Leningrad: Nauka. pp. 33–45.

Сведения об авторах:

Приемышева Марина Николаевна – д-р филол. наук, зав. Отделом лексикографии современного русского языка, зам. директора Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru
Стукова Екатерина Григорьевна – младший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.g.stukova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Marina N. Priemysheva, Dr. Sci. (Philology), head, Department of Modern Russian Lexicography; deputy head, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru
Ekaterina G. Stukova, junior research assistant, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.g.stukova@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 22.05.2024.*

*The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 22.05.2024.*

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья

УДК 811.511.13'373.221+374.3(511.13)

doi: 10.17223/22274200/32/2

Современная коми-пермяцкая фитонимическая лексика в связи с вопросами ее лексикографирования

Мария Владимировна Боброва¹, Роман Валентинович Гайдамашко²

^{1, 2} Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹ bomaripgu@yandex.ru

² gaidamashko@gmail.com

Аннотация. Рассматривается лексика тематического поля «Растительный мир» в современном коми-пермяцком языке в лексикографическом аспекте. Обобщаются и уточняются принципы организации коми-пермяцкой лексики, которые необходимо учитывать для повышения качества, точности и верифицируемости описания слов в тематических двуязычных словарях. Разработанные принципы нацелены на повышение качества лексикографирования, объединение подходов традиционной и современной (антропоориентированной) лексикографии.

Ключевые слова: растительный мир, фитонимия, коми-пермяцкий язык, коми-пермяцкая диалектология, отфитонимная ономастика, лексикография, Пермский край

Для цитирования: Боброва М.В., Гайдамашко Р.В. Современная коми-пермяцкая фитонимическая лексика в связи с вопросами ее лексикографирования // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 24–42. doi: 10.17223/22274200/32/2

Original article

doi: 10.17223/22274200/32/2

Modern Komi-Permyak phytonymic vocabulary in connection with issues of its lexicographing

Maria V. Bobrova¹, Roman V. Gaidamashko²

^{1, 2} Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,

Saint Petersburg, Russian Federation

¹ bomaripgu@yandex.ru

² gaidamashko@gmail.com

Abstract. The article analyzes the vocabulary of the thematic field “Plant World” in the modern Komi-Permyak language in the lexicographical aspect. The publication in 2021 of the monographs *Materials for a Dictionary of Komi-Permyak Names of Mushrooms* and *Materials for a Dictionary of Komi-Permyak Names of Plants* was an important step in the development of Komi-Permyak lexicology and lexicography, but at the same time raised a number of significant questions for the lexicography of the Komi-Permyak language and other Finno-Ugric languages of Russia. The aim of this article is to generalize and clarify the principles of organization of Komi-Permyak vocabulary, which must be taken into account to improve the quality, accuracy and verifiability of word descriptions in thematic bilingual dictionaries. The main objective is to summarize observations of the vocabulary of flora, which are reflected in scattered publications and handwritten works. The authors start from a number of fundamental issues of lexicographic description of vocabulary in a thematic (botanical) dictionary: (1) an urgent problem is the compilation of a dictionary of Komi-Permyak phytonyms, including all available data; (2) the spelling of heading words should be based on consistent spelling principles, but in a dictionary entry it is advisable to reflect all spelling options available in the sources; (3) the preparation of a phytonym dictionary should be carried out with the direct cooperation of philologists and specialists in local flora (botanists); the dictionary entry must be accompanied by links to sources, territorial and temporal references of the units described; (4) to increase the scientific value of lexicographed materials, it is advisable to accompany linguistic data with additional information of strictly linguistic, philological, encyclopedic and other nature. Within the framework of these conceptual approaches, pressing issues of the spelling of Komi-Permyak phytonyms are considered; important elements (zones) of a dictionary entry are analyzed; issues of collection, selection and certification of data, interpretation of semantics, illustration of definitions, inclusion of additional information (onomastic parallels, etymological, encyclopedic references, ethnolinguistic comments, etc.) are discussed. The developed principles are aimed at improving the quality of lexicographing, combining the approaches of traditional and modern (anthropo-oriented) lexicography.

Keywords: flora, phytonymy, Komi-Permyak language, Komi-Permyak dialectology, phytonymic onomastics, lexicography, Perm Krai

For citation: Bobrova, M.V. & Gaidamashko, R.V. (2024) Modern Komi-Permyak phytonymic vocabulary in connection with issues of its lexicography-ing. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 32. pp. 24–42. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/32/2

Введение

К настоящему моменту недостаточно изучены многие языки коренных народов России, среди которых язык коми-пермяков, проживающих преимущественно в Коми-Пермяцком округе Пермского края и являющихся третьим по численности народом в пермском многонациональном регионе. Наиболее полным источником сведений о коми-пермяцких нарицательных именах является словарь Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман [1], включающий лексические единицы различных идиомов: литературного языка, разговорной речи и диалектов, общеупотребительные и специальные, современные и архаичные. Иные источники значительно устарели и/или отличаются гораздо меньшим охватом лексики.

Еще в 1869 г. Н.А. Рогов обосновывал актуальность создания своего словаря тем, что «пермяки заметно русеют и что природный язык их начинает теряться и заменяться русским» [2. С. 3], и по прошествии полутора веков эта проблема лишь обострилась. Кроме того, коми-пермяцкий язык и его диалектные подсистемы неизбежно трансформируются под влиянием социально-экономических и социокультурных факторов. Помимо этого, под влиянием русского языка и социокультурных процессов (изменение бытовых условий, образа жизни, утрата традиционных промыслов и т.п.) происходит активная архаизация, вымывание собственно коми-пермяцкой лексики и интенсивное пополнение коми-пермяцкого языка заимствованиями из русского языка либо посредством его [3. С. 32–48]. В итоге диалектологи констатируют исчезновение из живой речи даже таких слов, которые фиксировались еще в словаре Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман, не говоря уже о лексике, представленной в словаре Н.А. Рогова.

Назрела потребность в современном, максимально полном словаре нарицательных слов (особенно двуязычном), в котором учитывалась

бы территория функционирования лексики. Важным шагом в этом направлении стала коллективная работа сотрудников пермских вузов, которые подготовили и издали ряд монографий [4; 5]. Словари являются двуязычными идеографическими, презентируют коми-пермяцкую лексику с переводом на русский язык, слова распределены по ряду тематических групп (о принципах составления словаря фитонимов см.: [4. С. 4–10]). Особо значимо, что эти словари аккумулируют не только лексические единицы, разбросанные по разным печатным источникам, но и данные о современном состоянии лексикона коми-пермяцких говоров, обследованного в последние годы авторами-составителями в ходе многочисленных экспедиций в Коми-Пермяцкий округ. Но, вероятно, сам жанр материалов предопределил специфику этих изданий, целью которых стала презентация лексикона, но не решение значимых для лексикографии вопросов.

Цель настоящего исследования – обобщение и уточнение принципов организации коми-пермяцкой лексики, которые необходимо учитывать для повышения качества, точности и верифицируемости описания слов в тематических двуязычных словарях. Основной задачей является обобщение наблюдений над лексикой флоры (общекоми-пермяцкими и диалектными фитонимами), которые отражены в разрозненных публикациях и рукописных работах.

Данная статья сопряжена с длительной историей разработок фитонимических (ботанических) словарей в отечественной лексикографии на материале русского языка. Каждый из них преследовал определенные автором, временем, господствующей на тот момент научной парадигмой и подобные цели и задачи: представить обобщающие энциклопедические сведения (как в «Ботаническом подробном словаре, или Травнике» 1781–1783 гг. А.К. Мейера), систематизировать ботанические наименования (как в «Ботаническом словаре» 1878 г. Н.И. Анненкова), презентировать фрагмент лексической системы, функционирующей на определенной территории (как в «Словаре народных названий растений Урала» 2000 г. Н.И. Коноваловой или «Словаре фитонимов Среднего Приобья» 2003–2006 гг. В.Г. Арьяновой) и др. В нашем же случае новизна и актуальность исследования определяется современным состоянием коми-пермяцкой лексикографии и поиском адекватных методов и способов представления языковых данных именно в двуязычном словаре.

Материалом для настоящей статьи послужили наименования растений (ботаническая номенклатура), их частей, представленные глав-

ным образом в словарях, помимо этого, в трудах иных жанров, а также в учебных научно-исследовательских работах. Некоторые такие сведения получены в ходе полевых исследований в Коми-Пермяцком округе и ранее не публиковались. Частично выявленные нами данные не отражены в указанных «Материалах для словаря коми-пермяцких названий растений» и «Материалах для словаря коми-пермяцких названий грибов» [4; 5].

При лексикографическом описании следует учитывать целый ряд аспектов функционирования народных фитонимов, бытующих в живой речи коми-пермяков. Рассмотрим эти аспекты в соответствии с традиционными этапами подготовки ботанического словаря и зонами словарных статей в нем.

Объем и источники словарных материалов

Единичный опыт составления специализированного ботанического словаря коми-пермяцкого языка [4] детерминирует специфику задач, которые встают перед современными исследователями. Очевидно, что такой словарь, который отражал бы исключительно актуальное состояние коми-пермяцкого литературного языка или даже литературного языка и территориальных диалектов, обладал бы низкой научной ценностью – в свете нивелировки говоров, активного вымывания исконной лексики, влияния русского языка и культуры и других процессов.

Коми-пермяцкие фитонимические данные хотя и были отражены в лексикографических трудах, но лишь в общем массиве лексики. Даже после выхода «Материалов...» [4] часть фитонимии по-прежнему разрознена по отдельным источникам и не учтена. А это ведет к значительному ограничению исследовательских и интерпретативных возможностей лингвистов, затруднениям в изучении диахронических процессов в коми-пермяцком языке.

Вследствие этого в отношении коми-пермяцких материалов считаем целесообразным объединить в одном словаре все доступные лингвистические сведения. Естественно при этом обязательное указание источника данных, в качестве которого могут выступить: основные печатные толковые словари коми-пермяцкого языка; словари исследователей, включавших пермяцкую лексику в словари коми-зырянского («Syrjänisch») языка; словари из монографий, посвящен-

ных описанию разных пермяцких диалектов; хрестоматии и сборники образцов живой речи; диссертационные исследования; полевые записи диалектологов; многочисленные рукописные материалы XVIII – начала XX в.; посвященные частным вопросам научные статьи; студенческие исследования и др. (ср. описание источников для материалов конференции в [6]). В случае утраты той или иной лексемы, семантических и иных трансформаций appellativов данные обобщающего словаря способны косвенно указывать на период вымывания лексемы из языка, на причины перестройки лексической системы, на общую направленность лексико-семантических изменений. Иными словами, такой подход позволяет привнести в синхронический словарь исторические сведения, а благодаря «синхронико-диахроническому» подходу значительно повысить информативность лексикографического описания.

При отборе слов для ботанического словаря целесообразно ориентироваться на широкий круг лексики, отвечающий полевому принципу структурирования. Это могут быть слова различных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы), не совпадающие по количеству компонентов (однословные названия, сложные и парные слова, словосочетания), по происхождению (исконные коми-пермяцкие и заимствованные), принадлежащие к различным лексико-семантическим группам (не только номенклатурные единицы, но также общие (родовые) наименования; названия растений и названия плодовых тел (ягод); названия мест, где произрастают растения одного вида; лексика, связанная с созреванием плодовых тел, их сбором, переработкой, хранением, использованием и др.) и т.д. Частично такой подход был реализован в «Материалах» [4], однако, по нашему мнению, вопрос о разработке непротиворечивой и исчерпывающей идеографической сетки, моделирующей соответствующие фрагменты языковой картины мира коми-пермяков, не нашел в этом словаре своего окончательного решения.

В качестве критериев отбора слов могут быть приняты следующие: 1) лексема называет предметы и явления, образующие денотативную сферу данной области действительности (названия растений, их плодов, процессов сбора и заготовки ягод и т.п.); 2) лексема связана с понятием «растение» семантически (номинации, в которых существует сема ‘растение’, в том числе как неосновная: ср., например, чирсны ‘отделять шелуху (от плодов растения)'). Расширительный

подход позволит отразить взаимодействие лексики разных тематических групп и полей, показать языковые данные в их связи с понятийной, когнитивной, лингвокультурной, этнокультурной и иными сферами.

Заголовочное слово: орфография коми-пермяцких фитонимов

Вопросы коми-пермяцкой орфографии до сих пор стоят весьма остро, и они напрямую влияют на коми-пермяцкую лексикографическую практику. Подробно остановимся на них, так как вопросы написания для обобщающего труда типа словаря принципиальны.

При передаче фитонимов на письме обычно придерживаются традиций, которые были заложены еще в первых публикациях, фиксирующих коми-пермяцкую лексику, и подкреплены рекомендациями наиболее авторитетных составителей коми-пермяцких орфографических словарей и «Коми-пермяцко-русского словаря» – Р.М. Баталовой и А.С. Кривошеевой-Гантман. Однако существуют альтернативные подходы к правописанию названий растений, озвученные в кандидатской диссертации Т.Н. Меркушевой, обнаруживаемые в различных источниках, в том числе в работах Е.Н. Федосеевой и Л.Г. Пономаревой. И, например, в упомянутых «Материалах» сохранено написание, предложенное в первоисточниках, однако это воспринимается как противоречие (ср.: *бус турун*, *вундасян турун*, *порськок турун* и под., но *балямоштурун*, *кёртдойттурун*, *пёдтурун* [4. С. 40, 43, 73, 36, 57, 74]). Факт расхождения способов написания названий растений ставит нас перед необходимостью уточнить принципы орфографии коми-пермяцких фитонимов.

Проблемы связаны, главным образом, с названиями, включающими родовые или гиперонимные элементы, в терминологии И.В. Бродского – «детерминанты», т.е. «применительно к структурно-семантическому исследованию... определитель класса объекта номинации» [7. С. 199]. В соответствии с нормами, предложенными в [8. С. 17; 9. С. 16], слова *турун* ‘трава’, *ягöд* ‘ягода’, *ну* ‘дерево’ и другие должны писаться слитно с другими частями – как такие, которые способны выступать в самостоятельном употреблении, но вместе с предшествующими компонентами образуют новое понятие. Аналогичное написание было установлено для словосочетаний, закрепившихся в качестве названий предметов, но в переносном (обычно метафорическом) значении (ср.: *ур бёж* ‘беличий хвост’ и *урбёж* ‘полынь’ [1.

С. 514], *катша син* ‘вороний глаз’ и *катшасин* ‘ромашка’ [1. С. 167; 8. С. 12]), иными словами, для лексикализованных словосочетаний.

Данные правила оправданы спецификой морфологической системы финно-угорских языков, в которых выделяют непроизводные и производные простые слова, сложные слова и словосочетания, но при этом композиты и словосочетания структурно не различаются, в силу чего остро стоит вопрос о частеречной принадлежности отдельных компонентов. В отношении родственного коми-зырянского языка Г.В. Федюневой были определены следующие признаки сложных слов, отличающие последние от синтагм: «...а) твердый порядок следования компонентов, б) наличие главного ударения на первом слоге, в) общее значение, отличное от значений составляющих основ» [10. С. 453]. К словам коми-пермяцкого языка применимы пункты *а* и *в*.

С учетом того что «семантический критерий выдвигается в качестве одного из самых важных факторов в вопросах разграничения сложных слов и словосочетаний» [11. С. 29], Т.Н. Меркушевой предложены несколько отличные подходы к написанию некоторых единиц при сохранении общих принципов. В частности, ею противопоставляются единицы *вымдорчача* ‘ветреница лесная’ (букв. ‘приснежный цветок’), *оишту* ‘бузина’ (букв. ‘медвежье дерево’), *сюрипу* ‘бузина’ (букв. ‘цевка-дерево’) и *гöрд льём* ‘красная черёмуха’, *гöрд сэтöр* ‘красная смородина’, *сьёд сэтöр* ‘чёрная смородина’, а также *пикта ну* ‘пихта’ (букв. ‘пихта-дерево’). Можно предположить, это было сделано на том основании, что в словах первого ряда внутренняя форма в какой-то степени затемнена, в то время как во втором прямая семантика компонентов сохраняется: так, в названии бузины неочевидна «медвежья» мотивация; а связь ветреницы со снегом, скорее, темпоральная, нежели пространственная (этот цветок произрастает не буквально рядом со снегом, а в то время, когда снег еще не сошел полностью). В отношении же *пикта ну* такой подход поддерживается заимствованным характером производящей лексемы *пикта* (из рус. *пихта*). Заметим, однако, что, на наш взгляд, он не оправдан, так как написание *пикта ну* меняет смысловые и грамматические характеристики компонентов, что отражается в итоге на концептуальном уровне понятия: *пихта* превращается в *пихтовое дерево*, которое встраивается скорее в ряд понятий, связанных с прилагательным *пихтовый* (*пихтовое масло*, *пихтовые шишки* и т.п.), нежели в систему фитонимов типа *вöвту* ‘ольха’, *оишту* ‘бузина’ и т.п.

Кроме этого, выявлено, что разные авторы могут придерживаться различных способов передачи фитонимов на письме, ср.: *гёрд сэтёр* [1. С. 106] и *гёрдсэтёр* [11. С. 14]; *черёмка* [1. С. 532] и *чэрйомка* [11. С. 16]; *сирень* [1. С. 430; 12. С. 304] и *с'ирэн'* [3. С. 37] (закономерен отказ Е.Н. Федосеевой от орфографической передачи слов в пользу фонетической) и др. Более того, обнаруживаются противоречия в работах одних и тех же авторов, но разных лет. Так, например, еще в орфографическом словаре 1966 г. Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман утверждалось требование придерживаться слитного написания названий с компонентом *-турун*. Однако в [1] ими использовались разные способы передачи таких слов, ср. самостоятельные словарные статьи *битурун*, *войтурун*, *ладантурун*, другие – и написания *пистик турун*, *порсь кок турун*, *резун турун*, и подобные в статьях на *пистик*, *порсь*, *резун* соответственно¹. Подобные факты довольно распространены, что отмечает, например, И.В. Бродский², однако сам исследователь не предлагает каких-либо способов решения вопроса и использует несходные написания, ср.: «...удм. арама турын ‘валериана’; коми зыр. егер турун ‘вахта трехлистная’; коми перм. туй||дор||турун ‘подорожник’», «коми зыр. кёк||нитш ‘кукушкин лен’; коми перм. кёр нитш ‘кладония’» [7. С. 206–207].

Считаем целесообразным придерживаться в словаре единобразия и опираться на следующие принципы орфографии коми-пермяцких фитонимов.

1. Традиционное слитное написание названий, включающих компоненты (гиперонимы) *-пу* (‘дерево’), *-турун* (‘трава’), *-ягёд* (‘ягода’), а также *-чвет* (‘цветок’), которые обозначают родовой признак растения, ср.: *пиктату* ‘пихта’, *бадьту* ‘ива’, *дубту* ‘ольха’; *дзуртантурун* ‘очиток пурпурный’ (букв. ‘скрипучая трава’), *куимчветатурун* ‘вахта трехлистная (трилистник водяной)’ (букв. ‘трехлистная трава’); *няпъягёд* ‘ягоды шиповника’, *муягёд* ‘земляника’ (букв. ‘земляная

¹ Ср. также непоследовательные написания Ь и Ъ в [1]: *вежъягёд*, *льёмыагёд*, *мыръягёд*, *няпъягёд* и *бакванъягёд*, *гёрдъягёд*, *лözъягёд*, *öзъягёд*.

² Ср.: «Существенным также является вопрос о представлении сложного (составного) названия растения, содержащего детерминант. В существующих работах по финно-пермским языкам, включая словарные, один и тот же фитоним может быть представлен в традиционном написании либо транскрипции как в слитном, так и раздельном написании. Особенно часто такое явление наблюдается в работах по пермским и волжским финским языкам» [7. С. 200].

ягода’); *тулысчвет* ‘чистяк весенний’ (букв. ‘весенний цветок’), *лöзчвет* ‘синюха голубая’ (букв. ‘синий цветок’) и т.п.

2. Слитное написание для лексикализованных словосочетаний, компоненты которых употребляются в переносном значении, ср.: *аканьсин* ‘анютины глазки’ (букв. ‘глаз куклы’), *бабёнянь* ‘клевер красный’ (букв. ‘хлеб моей бабушки’: клевер используется в пищу, в том числе в виде муки, которую добавляют в тесто при изготовлении хлеба) и т.п.

3. Раздельное написание компонентов, один из которых (обычно первый) является видовым либо квалитативным, ср.: *кушман* ‘редька’, *съёд кушман* ‘черная редька’, *курыт кушман* «горькая редька» – и *гёрдкушман* ‘свекла’.

4. Написание заимствований, по возможности совпадающее с написанием в языке-источнике (в русском языке), в силу значительной диалектной вариативности в коми-пермяцком языке и невозможности учесть все фиксируемые фонематические варианты: *пырей* (не *пýрэй*), *рябина* (не *рýабина*), др. В исконных словах логично написание, максимально точно передающее фонематический состав слов, ср.: *турличерпу*, *тышынтуурун*, *кёбылалён*, *вэжъягöд*.

5. Написание на стыке основ разделительного Ъ, наиболее точно отвечающего фонемному составу согласных коми-пермяцкого языка (за исключением слов, в которых исход предшествующей основы мягкий): *няпъягöд*, *гёрдъягöд*, *лöзъягöд*, *дедъюр*.

Целесообразно указывать в словарной статье все отличные написания, встретившиеся в источниках материалов.

Дефиниции. Паспортизация и иллюстрация данных

Приходится констатировать, что собиратели фитонимии (нередко студенты-филологи) очень часто не обладают достаточной квалификацией. Как следствие, может наблюдаться неполнота, неточность и даже недостоверность данных. Так, очень часто в полевых записях указана родовая принадлежность, но не уточнены видовые характеристики соответствующего растения в дефинициях типа ‘ромашка’, ‘щавель’, ‘борщевик’ и под. Известно, например, 52 вида борщевика, 130 видов осота, а ромашками носители наивного ботанического знания нередко называют не только около 20 растений данного рода, но также морфологически сходные растения других родов семейства

Астровых. Это диктует требование с особенной осторожностью формулировать толкования фитонимов, по возможности – с использованием научной номенклатуры, с опорой на специализированные издания (например, [13; 14]). В целях максимизации продуктивности, достоверности, верифицируемости исследования и его результатов ботанический словарь должен разрабатываться филологами в сотрудничестве с ботаниками – специалистами по местной флоре. В идеале весь цикл научного исследования должен осуществляться совместно: полевой сбор гербария и соответствующей фитонимии, первичная обработка и архивирование полученных материалов, сопровождаемая параллельным созданием баз данных различных типов, научный анализ данных и создание итогового научного продукта в виде словаря. Нам известен успешный такой опыт при изучении русской народной фитонимии Пермского края в сотрудничестве с М.В. Васевым; его результаты нашли отражение в студенческом исследовании¹, в отдельных научных статьях и в продолжающемся издании «Словарь русских говоров севера Пермского края» (Пермь, 2011–2023. Вып. 1–2: А–Д).

Обязательно указание всех фиксаций со ссылкой на источники, с территориальной и темпоральной привязкой. Возможно привлечение комментариев информантов на русском языке.

Гундырчача. 1) Ветреница лесная (*Anemone sylvestris*). нердв. [11. С. 13]. 2) Подснежник (*Galanthus*). нердв. [1. С. 110].

Ладантурён. Валериана лекарственная (*Valeriana officinalis*) [1. С. 217]. Ср.: *Ладантурун. Пить её, если сна нету. Можно настоем, а можно и просто заварить. Собирать надо, пока кукушка не кукует* (пос. Купрос-Волок Юсьв.)².

Лапакёр. 1) Лопух (*Arctium*) [12. С. 150]. 2) Мать-и-мачеха (*Tussilago farfara*) [1. С. 218]. 3) Подорожник большой (*Plantago major*)³.

Данные примеры показывают, в частности, что идентичные наименования могут использоваться по отношению к близкород-

¹ Васев М.В. Об использовании растений сельским населением Чердынского района и названиях растений, бытующих в местных говорах : ВКР / науч. рук. С.А. Овеснов ; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. 45 с.

² Кылосова В.В. Номенклатура лекарственных растений (на материале коми-пермяцкого языка) : ВКР / науч. рук. К.Н. Прокопева ; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2003. С. 22.

³ Кылосова Т.П. Лексика леса в коми-пермяцкой языковой картине мира : ВКР / науч. рук. И.А. Подюков ; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2017. С. 69.

ственным и/или внешне сходным неродственным растениям, в том числе на территории одного диалекта. Кроме того, сходные названия могут применяться по отношению к растениям, произрастающим на различных территориях. Все случаи тождественной номинации родственных и неродственных растений представляют интерес с точки зрения выявления закономерностей в фитонимической мотивационной базе, а в конечном итоге – в аспекте изучения миграционных волн на территории проживания коми-пермяков.

В силу значительности и значимости диалектных различий в коми-пермяцком языке считаем необходимым по возможности максимально точно указывать места фиксации лексических единиц, вплоть до конкретных населенных пунктов. Это особенно важно в рамках ареальной лингвистики, национальной диалектологии, исторического языкоznания.

Очень важно сопровождение дефиниций иллюстративными материалами из живой народной речи, в которых проявляется специфика функционирования фитонимической лексики в максимально широких контекстах, даются народно-этимологические справки, обнаруживаются этнографические сведения и т.д. Ср. о растении *чарлапайнъ* ‘тысячелистник обыкновенный’ из коми-пермяцкого чарла ‘серп’ и пинъ ‘зуб’: *Раньше ведь серпом убирали урожай, кто-нибудь обязательно порежется, а тысячелистник тут и есть* (пос. Купрос-Волок Юсьв.). Особенно важно приводить имеющиеся иллюстрации на коми-пермяцком языке, но с переводом на русский. Но и наличие иллюстраций на русском языке мы допускаем, если на нем осуществлялся опрос информантов.

Дополнительные сведения

По нашему мнению, значительно повысить научную ценность словарных материалов способны дополнительные сведения о функционировании лексики в речи. Это факультативные элементы статей, целесообразность включения которых в словарь апеллятивной лексики должна определяться индивидуально.

А. **Этимологические и мотивационные справки** значимы, прежде всего, в лексико-семантическом ключе, в аспекте отражения мотивационных связей – в коми-пермяцкой фитонимии, а также при решении проблем исторической направленности, однако они могут найти

применение и в словообразовательных, этнолингвистических и иных исследованиях. Ср. в названиях, мотивированных лекарственными свойствами растений: *пöдöмлечитантурúн* ‘паслен сладко-горький’¹ – букв. «удушье лечащая трава», *горшивисянятурúн* ‘ромашка пахучая’² – букв. «горловая болезнь трава».

Б. Энциклопедические (ботанические, этнографические) справки могут указывать не только на особенности растений и их частей, но также и на мотивационные признаки номинаций. Ср.: *кöчвиж* ‘плаун булавовидный’, букв. «ловушка на зайцев»: «... растение имеет ползучий стебель, который тянется по земле и можно запутаться в нём, как в силке» [11. С. 13]; *оишъёктáн* ‘папоротник мужской’, букв. «медвежье шило»: «... корневище папоротника косо-приподнимающееся и по форме напоминает шило» [11. С. 14].

В. Лингвистические, фольклорные параллели, этнолингвистические комментарии также могут быть небесполезны для лексикографов и пользователей словаря. Штрихи ономасиологического портрета способствуют воссозданию не только лингвистического, но и культурного образа реалии. Учет такого рода сведений может помочь избежать ошибок в интерпретации мотивационных связей лексики, например буквализации мотивационных моделей, что особенно свойственно молодым исследователям. Ср., в частности, такую трактовку фитонимов *туричэрпу* ‘калина’ (букв. «журавль – ствол – дерево») и *оиссэтёр* ‘красная бузина’ (букв. «медвежья смородина»): «Название кустарники получили по ассоциативному признаку, принадлежностью к животным, так как они употребляют в пищу плоды данных кустарников»³. Более убедительно звучит мысль Е.Л. Березович и М.Э. Рут о том, что при использовании в номинациях названий диких животных добавляется такая черта ономасиологического портрета реалии, как «не предназначенный для человека», или же такая черта животного, как «противопоставленный человеку» [15. С. 34]. Это подтверждается существованием фитонимов *мортикан* (букв. «человеческая сныть») ‘сныть обыкновенная’ и *мортистик* (букв. «человеческий хвош») ‘хвош полевой’, которые употребляются в пищу, используются в народной медицине. Впрочем, наименования конкретных животных могут привносить и специфичное культурно-

¹ Кылосова Т.П. Указ. соч. С. 71.

² Там же.

³ Там же. С. 12–13.

символическое значение. Так, в противопоставление «человеческим» фитонимам отмечены названия несъедобных растений *кёчпикан* (букв. «заячья сныть») ‘сныть обыкновенная (?)’, *кёчпистик* (букв. «заячий хвощ»), *кульпистик* (букв. «чертов хвощ»), *понпистик* (букв. «собачий хвощ») ‘хвощ лесной, луговой, болотный и другие в отличие от хвоща полевого’ [4. С. 71–72]. Также, например, компонент *оши* ‘медведь’, ‘медвежий’, наряду с идеограммами «не предназначенный для человека», «несъедобный» в названиях типа *оштабák* ‘гриб дождевик’, способен передавать идею сильного, мощного проявления какого-либо свойства растения, например в фитониме *оштабák* ‘багульник болотный’: аромат этого растения буквально сбивает с ног, отравление возникает уже через 15 минут нахождения в зарослях багульника. См. более подробно о коми-пермяцких фитонимах, содержащих названия животных, в [16].

Г. **Дополнительные списки.** В частности, в силу значительной распространенности интердиалектной омонимии и полисемии целесообразным представляется сопроводить основную словарную часть работы, которая будет отражать эпидигматику фитонимов, приложениями со списками синонимических рядов – с указанием всех зафиксированных наименований каждого растения. Продуктивность последующего анализа и интерпретации такого материала ранее уже продемонстрировала в своей кандидатской диссертации Т.Н. Меркушева [11. С. 14–16].

Д. **Ономастические данные** (восходящие к фитонимам имена собственные) представляются наиболее интересным и информативным видом дополнительных сведений. Так, привлечение прозвищного материала для описания апеллятивов позволит, в частности: 1) расширить представления об особенностях функционирования апеллятивной лексики в процессе непосредственной коммуникации коми-пермяков; 2) отразить живые языковые процессы (в частности развитие семантики, лексико-семантические сдвиги, установление новых парадигматических и синтагматических связей и др.); 3) проиллюстрировать специфику диалектных различий; 4) отразить специфику взаимодействия коми-пермяцкого и русского языков; 5) отразить лингвокультурные особенности лексики (подробнее см. в [17]).

Приведем в качестве примера несколько отфитонимных прозвищ коми-пермяков (курсивом выделены цитаты из живой речи или анкет, в последнем случае – с сохранением авторской орфографии и пункту-

ации): *Гёнапикан Сёйисэз* ‘прозвище жителей д. Пуксиб’ (из *гёнапикан* ‘борщевик мохнатый’, *сёйисэз* – причастие от глагола *сёйны* ‘есть, съесть’) (КПО)¹; *Кёнтусь* ‘прозвище мужчины маленького роста’ (из *кёнтусь* ‘конопля’) (КПО); *Петишёр* ‘прозвище женщины – очень строгого врача’ (из *петишёр* ‘крапива’): *Петишёр* <крапива> (*она врач, и дети ее боялись, как крапиву*)... (очень строгая) (КПО) и др. (ср. также наблюдения в [19]).

При разработке словарей «смешанного» типа (в сочетании имен нарицательных и собственных) требуются специфичные подходы в подаче ономастического материала, которые заслуживают освещения в отдельных публикациях.

Заключение

Таким образом, можно выделить следующие принципы словарного описания современных коми-пермяцкой фитонимии:

1. При отборе слов для ботанического словаря следует привлекать широкий круг словарных и иных источников (за исключением тех, в которых лексика не переводится) разного времени (с XVIII в. до наших дней) и типа (как с литературной, так и с диалектной, специальной и другой лексикой). В словарь желательно включать широкий круг лексики, отвечающий полевому принципу структурирования.

2. При передаче фитонимов на письме уместно опираться на не противоречивые принципы орографии относительно слитного/раздельного написания, употребления разделительного знака и др. Целесообразно сопровождать словарные статьи всеми встретившимися в источниках орографическими вариантами.

3. В целях достоверности толкований и верифицируемости лексических единиц ботанический словарь должен разрабатываться в сотрудничестве с ботаниками – специалистами по местной флоре. Обязательно указание всех фиксаций со ссылкой на источники, с территориальной (вплоть до конкретных населенных пунктов) и темпо-

¹ Ср. в русских говорах *Пиканники* ‘коллективное прозвище жителей г. Кунгура’: «Глухие свидетельства традиций прошлого – местные прозвища типа *оханский капустник* о жителе Оханска, *пиканник* о кунгуряках (прозвище жителей Кунгура связывают с тем, что во время первого заселения края здесь был сильный голод, отчего им пришлось питаться исключительно полевыми растениями)» [18. С. 17].

ральной привязкой. Возможно привлечение комментариев информантов на русском языке.

4. При составлении словарных статей целесообразно привлекать дополнительные сведения о функционировании лексики в речи: этиологические и мотивационные справки; энциклопедическую (ботаническую, этнографическую) информацию; лингвистические, фольклорные параллели, этнолингвистические комментарии; списки синонимов; отфитонимные имена собственные и др.

Предложенные нами принципы позволят объединить подходы как традиционной, так и современной (т. е. антропоориентированной) лексикографии и в конечном итоге – повысить качество лексикографирования данных в тематическом словаре. Полагаем, таким подходам в наибольшей степени отвечает тип электронного, пополняемого обобщающего словаря, но он потребует уточнения принципов его составления, что определяет перспективу предложенных разработок.

Список сокращений

букв. – буквально; КПО – Коми-Пермяцкий округ Пермского края; нердв. – нердинский диалект коми-пермяцкого языка; рус. – русский язык; Юсьв. – Юсьвинский район Коми-Пермяцкого округа.

Список источников

1. Баталова Р.М., Кривоцекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М. : Рус. яз., 1985. 624 с.
2. Рогов Н.А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб. : [Б. и.], 1869. VI + 415 с.
3. Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар : Ин-т языка, лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015. 196 с.
4. Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений / авт.-сост.: Е.Л. Федосеева, И.И. Русинова, А.С. Лобanova, Ю.А. Шкураток, А.В. Кротова-Гарина ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2021. 1 Мб ; 116 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovarya-komi-permyackih-nazvanij-rastenij.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Материалы для словаря коми-пермяцких названий грибов / авт.-сост.: Ю.А. Шкураток, О.В. Боталова, А.С. Лобanova, А.В. Кротова-Гарина, И.И. Русинова, Е.Л. Федосеева ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2021. 1 Мб ; 80 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovarya-komi-permyackih-nazvanij-gribov.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
6. Федосеева Е.Л. Источники коми-пермяцкой фитонимической лексики // Проблемы филологии глазами молодых исследователей : материалы конф. студ.,

аспирантов и молодых ученых, г. Пермь, апрель 2019 г. / [отв. за вып. Д.А. Сухоева]. Пермь : [Перм. гос. нац. исслед. ун-т], 2019. С. 92–95.

7. Бродский И.В. Детерминанты сложных (составных) названий растений в финно-пермских языках // Севернорусские говоры. 2014. Вып. 13. С. 199–222.

8. Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкой орфографической словарь. Кудымкар : Перм. кн. изд-во, 1966. 258 с.

9. Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкой орфографической словарь. 2-е изд., испр. и доп. Кудымкар : Перм. книга, Коми-perm. отд., 1992. 279 с.

10. Федюнова Г.В. Сложные слова // Коми язык. Энциклопедия / отв. ред. Г.В. Федюнова. М. : Изд-во ДИК, 1998. С. 453–454.

11. Меркушева Т.Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003. 230 с.

12. Кузнецов П.С., Спорова А.М. Русско-коми-пермяцкой словарь. Кудымкар : Комипермгиз, 1946. 388 с.

13. Овеснов С.А. Конспект флоры Пермской области. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1997. 252 с.

14. Иллюстрированный определитель растений Пермского края / С.А. Овеснов, Е.Г. Ефимик, Т.В. Козьминых и др.; под ред. С.А. Овеснова. Пермь : Книжный мир, 2007. 743 с., ил.

15. Березович Е.Л., Рут М.Э. Ономасиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия Уральского университета. 2000. № 17. С. 33–38.

16. Русинова И.И., Лобанова А.С., Федосеева Е.Л. Коми-пермяцкие фитонимы, содержащие названия животных // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, вып. 4. С. 578–591. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-578-591

17. Боброва М.В. Лексика тематического поля «Животный мир» в прозвищах коми-пермяков в связи с вопросами создания тематических словарей // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 6–22. DOI: 10.17223/22274200/16/1

18. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 (Абалтус–Кычига) / науч. ред. И.А. Подюков. Пермь : [Перм. гос. пед. ун-т], 2010. 456 с., ил.

19. Боброва М.В. Коми-пермяцкая лексика растительного мира в этнолингвистическом аспекте (на материале современных прозвищ) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, вып. 3. С. 384–394. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-384-394

References

1. Batalova, R.M. & Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1985) *Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [Komi-Permyak-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy jazyk.
2. Rogov, N.A. (1869) *Permyatsko-russkiy i russko-permyatskiy slovar'* [Permyak-Russian and Russian-Permyak dictionary]. Saint Petersburg: [s.n.].
3. Fedoseyeva, Ye.N. (2015) *Leksika severnogo narechiya komi-permyatskogo jazyka* [Vocabulary of the northern dialect of the Komi-Permyak language]. Syktyvkar:

Institute of Language, Literature, and History, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

4. Fedoseyeva, E.L. et al. (2021) *Materialy dlya slovarya komi-permyatskikh nazvaniy rasteniy* [Materials for the dictionary of Komi-Permyak plant names]. Perm. [Online] Available from: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovarya-komi-permyackih-nazvaniy-rastenij.pdf> (Accessed: 01.02.2024).
5. Shkuratok, Yu.A. et al. (2021) *Materialy dlya slovarya komi-permyatskikh nazvaniy gribov* [Materials for the dictionary of Komi-Permyak names of mushrooms]. Perm. [Online] Available from: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovarya-komi-permyackih-nazvaniy-gribov.pdf> (Accessed: 01.02.2024).
6. Fedoseyeva, E.L. (2019) [Sources of Komi-Permyak phytonymic vocabulary]. In: *Problemy filologii glazami molodykh issledovateley* [Problems of philology through the eyes of young researchers]. Proceedings of the conference for students, postgraduate students and young scientists. Perm. April 2019. Perm: Perm State University. pp. 92–95. (In Russian).
7. Brodskiy, I.V. (2014) Determinanty slozhnykh (sostavnykh) nazvaniy rasteniy v finno-permskikh yazykakh [Determinants of complex (compound) plant names in Finno-Permic languages]. *Severnorusskiye govory – Northern Russian Dialects*. 13. pp. 199–222.
8. Batalova, R.M. & Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1966) *Komi-permyatskoy orfograficheskoy slovar'* [Komi-Permyak spelling dictionary]. Kudymkar: Permskoye knizhnoye izdatel'stvo. (In Komi-Permyak, Russian)
9. Batalova, R.M. & Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1992) *Komi-permyatskoy orfograficheskoy slovar'* [Komi-Permyak spelling dictionary]. Kudymkar: Permskaya kniga, Komi-permyatskoye otdeleniye.
10. Fedyuneva, G.V. (1998) Slozhnye slova [Compound words]. In: Fedyuneva, G.V. (ed.) *Komi yazyk. Entsiklopediya* [Komi language. Encyclopedia]. Moscow: Izd-vo DIK. pp. 453–454.
11. Merkusheva, T.N. (2003) *Leksika flory i fauny yuzhnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [Vocabulary of flora and fauna of the southern dialect of the Komi-Permyak language]. Philology Cand. Diss. Syktyvkar.
12. Kuznetsov, P.S. & Sporova, A.M. (1946) *Russko-komi-permyatskoy slovar'* [Russian-Komi-Permyak dictionary]. Kudymkar: Komipermgiz.
13. Ovesnov, S.A. (1997) *Konspekt flory Permskoy oblasti* [Synopsis of the flora of Perm Krai]. Perm: Perm State University. (In Russian)
14. Ovesnov, S.A. et al. (2007) *Illyustrirovanny opredelitel' rasteniy Permskogo kraya* [Illustrated guide to plants of Perm Krai]. Perm: Knizhnyy mir.
15. Berezhovich, Ye.L. & Rut, M.E. (2000) Onomasiologicheskiy portret realii kak zhanr lingvokul'turologicheskogo opisaniya [Onomasiological portrait of reality as a genre of linguoculturological description]. *Izvestiya Ural'skogo universiteta*. 17. pp. 33–38.
16. Rusinova, I.I., Lobanova, A.S. & Fedoseyeva, E.L. (2022) Komi-Permyak phytonyms containing names of animals. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii – Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 16 (4). pp. 578–591. (In Russian). doi: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-578-591m

17. Bobrova, M.V. (2019) Vocabulary of the thematic field “Animal World” in the nicknames of the Komi-Permyaks in connection with the issues of creating thematic dictionaries. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 6–22. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/16/1
18. Podyukov, I.A. (ed.) (2010) *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Southern Kama region]. Vol. 1. Perm: Perm State University.
19. Bobrova, M.V. (2020) Komi-Permyak vocabulary of the plant world in the ethnolinguistic aspect (based on modern nicknames). *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii – Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 14 (3). pp. 384–394. (In Russian). doi: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-384-394

Сведения об авторах:

Боброва Мария Владимировна – канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Гайдамашко Роман Валентинович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: gaidamashko@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Maria V. Bobrova, Cand. Sci. (Philology), docent, senior research fellow, Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Roman V. Gaidamashko, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: gaidamashko@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 22.05.2024.*

*The article was submitted 10.02.2024;
approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 22.05.2024.*

Научная статья
УДК 811.163.41
doi: 10.17223/22274200/32/3

Новый большой сербско-русский словарь (общая концепция и проблемы лексикографического описания)

Райна Драгичевич¹, Мария Денисовна Королькова²,
Дарья Александровна Рыжова³, Юлия Леонидовна Шапич⁴,
Екатерина Ивановна Якушкина⁵

¹Белградский университет, Белград, Сербия

²Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

⁴ Российский центр науки и культуры «Русский дом»,
Россотрудничество, Москва, Россия

⁵Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

¹rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

²skifane@gmail.com

³daria.ryzhova@mail.ru

⁴julija.sapic@gmail.com

⁵jkatia@yandex.ru

Аннотация. С 2021 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова ведется работа над созданием нового большого сербского-русского словаря (на данный момент подготовлено пять первых букв сербского алфавита) на базе однотомного толкового словаря сербского языка. В статье излагаются базовые принципы макро- и микроструктуры словаря, проблемы лексикографического описания (подбор эквивалентов, отражение полисемии и др.) и результаты сопоставительного анализа сербской и русской лексики, сопровождающего словарную работу.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, сербский язык, русский язык, сопоставительная лексикология

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>

Для цитирования: Драгичевич Р.Д., Королькова М.Д., Рыжова Д.А., Шапич Ю.Л., Якушкина Е.И. Новый большой сербско-русский словарь (общая концепция и проблемы лексикографического описания) // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 43–60. doi: 10.17223/22274200/32/3

Original article

doi: 10.17223/22274200/32/3

A new large Serbian-Russian dictionary (a general conception and problems of lexicographic description)

**Rajna Dragičević¹, Maria D. Korolkova², Daria A. Ryzhova³,
Yulia L. Shapich⁴, Ekaterina I. Yakushkina⁵**

¹ University of Belgrade, Belgrade, Republic of Serbia

² Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

³ National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

⁴ Center for Russian Science and Culture “Russian House”,
Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

⁵ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹ rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

² skifane@gmail.com

³ daria.ryzhova@mail.ru

⁴ julija.sapic@gmail.com

⁵ jkatia@yandex.ru

Abstract. At Moscow State University, the team of authors is working on a new large Serbian-Russian dictionary (SRD) based on the descriptive dictionary of the Serbian language (2018). Currently the first five letters of the Serbian alphabet have been prepared. The dictionary is aimed at the Russian-speaking user. Compiling the SRD, the vocabulary of the descriptive dictionary is edited and updated. In this case, the authors take into account whether the word belongs to the Serbian or Russian national cognitive base, word-formation and semantic adaptation of borrowings, motivational, semantic and expressive potential of the Serbian word, etc. The dictionary is compiled in the Microsoft Word editor, but at the same time the authors work on the transferring of the already prepared materials onto the OnLex electronic lexicographic platform, which will significantly expand the functionality of the new dictionary. The design of the dictionary entry is based on the entry in the Serbian descriptive dictionary. When transforming an original descriptive entry into an SRD one, many difficulties may arise because of differences in the traditions of grammatical description or definition of collocations, phraseological units, metaphors,

etc. However, the main problem that arises is the correlation of the semantics of the original Serbian word with the semantics of the Russian word. Within one meaning, the problem is connected with the selection of equivalents, and within the polysemantic structure, in the adequate representation of this structure in a bilingual dictionary and its correlation with Russian equivalents. A great difficulty for lexicographic description is the functional and stylistic inconsistencies of equivalents. When displaying the structure of a polysemantic Serbian word in the dictionary, it is important to present the entire set of meanings of the original Serbian word. Working on the fragmentation of a polysemantic structure, the authors focus, among other things, on Russian equivalents and try to separate meanings that are characterized by different synonymous series of Russian equivalents. When it is possible, they take into account the achievements of lexical typology. The characteristic differences between Serbian and Russian vocabulary should become the subject of a systematic description in the future. The authors' work on the dictionary made it possible to identify a number of problems important not only for comparative, but also for Serbian lexicology. One of them is the status in the Serbian literary language of words predominantly used in the west of the Serbian linguistic territory.

Keywords: bilingual lexicography, Serbian language, Russian language, comparative lexicology

Acknowledgements: The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>

For citation: Dragičević, R., Korolkova, M.D., Ryzhova, D.A., Shapich, Yu.L. & Yakushkina, E.I. (2024) A new large Serbian-Russian dictionary (a general conception and problems of lexicographic description). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 32. pp. 43–60. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/32/3

Общие сведения о словаре. С 2021 г. на кафедре славянской филологии Московского университета совместно с кафедрой сербского языка Белградского университета ведется работа по составлению нового большого сербско-русского словаря. Необходимость в его подготовке назрела давно, поскольку основной существующий на данный момент «Сербско-хорватско-русский словарь» И.И. Толстого [1], несмотря на свои исключительные достоинства незаменимого справочника для чтения сербской художественной и этнографической литературы, даже в дополненном издании 1970 г., серьезно устарел и не может удовлетворять нуждам современного пользователя.

В основу нового сербско-русского словаря (НСРС) положено последнее издание однотомного толкового словаря сербского литературного языка (далее – РСЛ 2018) [2], включающего около

80 000 слов. В соответствии с объемом этого словаря НСРС должен быть большого типа, т.е. включать примерно то же число слов, что и сербский толковый словарь.

Словарь создается коллективно, на данный момент в работе участвуют восемь человек. Составлением сербского словарника занимается профессор Белградского университета Райна Драгичевич. В данный момент ведется работа над буквой «Е».

НСРС задуман прежде всего как словарь для русскоязычного пользователя и, соответственно, должен включать ту информацию, которая необходима носителю русского языка, т.е. раскрывать семантику и другие характеристики сербского слова, знание которых необходимо для его правильного употребления, что не исключает возможность создания на основе НСРС версии словаря для пользователя с родным языком сербским.

Состав словарника. При составлении словарника НСРС словник РСЈ 2018 существенно редактируется, актуализируется – сокращается за счет устаревших лексем и дополняется (ср. вошедшие в словарь лексемы *гејмер* ‘геймер’, *гејминг* ‘гейминг’, *гуловати* ‘искать в Интернете, гуглить’, отсутствующие в толковом словаре сербского языка) согласно последним словарям новых слов и заимствований [3–6], а также языковой компетенции составителя. Главный критерий отбора слова для словарника НСРС – это присутствие лексемы в лексиконе современного образованного носителя сербского языка и/или в корпусе сербских текстов в Интернете [7]. Взаимодополняемость этих условий связана со спецификой используемого нами сербского корпуса, основанного на публикациях в сети. Объем учтенных текстов, их жанровая, стилистическая и хронологическая ограниченность делают невозможным использование корпусного критерия как единственного.

Помимо главного принципа, в спорных случаях учитываются и другие критерии, в целом соответствующие сформулированному В.П. Берковым принципу, что «составителю словарника надлежит руководствоваться прежде всего функциональной ролью лексемы в данном языковом коллективе, а также ролью эквивалента в коллективе выходного языка» [8. С. 24]:

1) принадлежность слова (vs обозначаемого им понятия), в том числе научного названия, термина или историзма к сербской или русской национальной когнитивной базе (например, частотная в сербской эпической поэзии лексема *гранаљија* ‘ружье’ (*старинное, укра-*

шенное узором в виде ветки) или интернациональное научное название латинского происхождения *гинсенг* (лат. *Panax ginseng*) ‘женщень’, которое вносится в словарь в том числе потому, что женщень, несомненно, относится к общезвестным в России растениям);

2) интернациональные наименования и термины вносятся в словарь, если в русском языке слово имеет иной вид (ср. пример из предыдущего пункта: *гинсенг* (лат. *Panax ginseng*) ‘женщень’);

3) при включении в словарь историзмов, имен собственных и имен культурных концептов, относящихся к универсальной когнитивной базе, учитывается их словообразовательная и семантическая адаптация в сербском языке и частотность в литературе: *Гестапо* ‘Гестапо’ (ср. нареч. *гестаповски* ‘по-гестаповски, жестоко’); *Голијат* ‘Голиаф’ (ср. второе значение ‘великан’); *гејша* ‘гейша’ (ср. устойчивое сравнение *као гејша: обући се као гејша* ‘одеться, как гейша’, *понашати се као гејша* ‘вести себя, как гейша’); *гинеја* ‘гинея’ (часто встречается в переводной литературе).

4) учитывается словообразовательный критерий: в словарь включаются редкие слова, служащие мотивационной базой для более частотных (ср. редкое *галити* ‘веселить, успокаивать’ при частотном *разгалити се* ‘развеселиться, успокоиться’; *грамзити* ‘насильно присваивать’ и *грамзив* ‘алчный’, *гонетати* ‘одгадывать, загадывать’ и *загонетка* ‘загадка’); включаются редкие слова, образованные по продуктивной модели (ср. *голица* ‘голая земля’, ‘нектарин’, ‘дыня без сетки на поверхности кожуры’); из словарника исключаются варианты звукоподражательных слов (исключается *гагакати* ‘гоготать’ при наличии *гакати*), некоторые диминутивы и аугментативы, в том числе, например, от названий растений, которые традиционно включаются в словарь сербских толковых словарей;

5) в словарь включаются редкие слова с богатым семантическим и экспрессивным потенциалом, открытые для использования в новых контекстах (*гаравац* ‘брюнет’, ‘грязный, черный’, ‘оборванец’).

Критически оценивается трактовка словарем РСЈ 2018 некоторых лексем как омонимов или элементов структуры многозначных слов (ср., с одной стороны, неоправданное разделение на омонимы значений слова *горосеча* ‘древесек’ и ‘рубка леса’, а с другой – неверное объединение в одной статье лексем *горе* ‘наверху’ и *горе* ‘хуже’). Согласно традиции РСЈ 2018, в НСРС акцентологические, морфологические и словообразовательные варианты лексем не включаются в словарь и указываются после заглавного слова.

Проблемы, возникающие при отборе слов для словаря из разных лексико-семантических разрядов, в том числе фитонимов, зоонимов, историзмов, феминитивов, имен инокультурных концептов, имен собственных, диминутивов, аугментативов, подробно рассмотрены в статье Р. Драгичевич [9]. Помимо групп, перечисленных в этой работе, проблемными в плане включения в словарь являются так называемые хорватизмы, т.е. слова, пришедшие в речь сербов из литературного языка Хорватии и с большей или меньшей степенью активности употребляемые сербами в Боснии и Герцеговине (подробнее об этой проблеме см.: [10]). Подобные слова включаются в НСРС с пометой *reg.*, хотя в РСЈ они такой пометой не снабжаются. Если современное употребление лексемы противоречит нормативному, то предпочтение отдается норме сербского языка, а не узусу. Наиболее ярким примером этого могут послужить распространяющиеся в современном языке обозначения женщин по роду занятий (*психолошкиња* ‘психолог’ (о женщинах) вместо нормативного *психолог* ‘психолог’ (о любом человеке)). Такое решение обусловлено ориентацией словаря на поддержание высокого уровня языковой культуры его пользователей, тем более что они как иностранцы плохо владеют литературной нормой, и одна из задач НСРС – продемонстрировать им правила употребления слов. По этой же причине в словарь не включаются вульгаризмы.

С целью уточнения критериев включения в словарь специальной лексики (терминологии) был проанализирован опыт авторитетного «русско-сербского словаря» [11]. Первые буквы данного словаря были сопоставлены с Малым академическим словарем под ред. А.П. Евгеньевой [12] на предмет включения в словарь медицинских, фармацевтических, юридических, финансовых, лингвистических и музыкальных терминов. В группе названий болезней, начинающихся на *a*, в обоих словарях представлены лексемы *ангина* (740 употреблений в НКРЯ), *анемия* (232), *астения* (56). Слова *абулия* (15 употреблений в НКРЯ), *атония* (42) и *афазия* (153) представлены только в МАС, тогда как *амнезия* (197 употреблений в НКРЯ), *аутизм* (162), *артроз* (38), *анорексия* (33), *агнозия* (29), *алексия* (18), *аграфия* (15), *алалия* (14), *абазия* (2), содержащиеся в словаре [13], не зафиксированы ни одним из сопоставляемых источников, хотя *амнезия* и *аутизм* явно относятся к широко распространенным терминам, что подтверждается и корпусными данными. В связи с возможностью возникновения подобных лакун представляется целесообразным систематически отсле-

живать включение в словник всех терминов определенной тематической группы (например, в лингвистической сфере – включение названий всех знаков препинания) или наиболее частотных из них [14].

Форма словаря. В настоящее время словарь составляется в редакторе Microsoft Word в виде рукописи, которая потом должна быть опубликована в печатном виде, однако параллельно ведется работа по переводу уже подготовленных материалов на электронную лексикографическую платформу OnLex [15].

Электронная платформа существенно расширит функционал нового словаря. Во-первых, поскольку для электронной версии столь значимая для бумажных изданий проблема экономии места не актуальна, переход на платформу OnLex позволит включать в словарные статьи больше иллюстраций, необходимых для понимания принципов употребления слова. Во-вторых, дизайн платформы позволяет включать в словарную статью не только сведения о семантике и сочетаемости заглавных слов, но и приводить полные парадигмы их изменения (с последующей возможностью поиска по любой форме слова, не только по начальной). В-третьих, помимо текстовых данных, платформа допускает хранение мультимедийных файлов, в частности аудиозаписей, что позволит снабдить словарные статьи аудиосопровождением: будут озвучены заглавные слова и парадигмы (что важно, поскольку и в сербском, и в русском языках подвижное ударение, а в сербском оно еще и музыкальное), а также примеры словосочетаний. В-четвертых, расширяются возможности поиска: платформа имеет инструментарий, чтобы осуществлять поиск не только по заглавному слову, но и по другим частям словарной статьи (по погемам, по парадигмам, по переводным эквивалентам и по примерам), что позволит в том числе использовать словарь и как русско-сербский. Наконец, платформа предоставляет удобную рабочую среду для составителя: можно не только загружать в базу уже готовые материалы, но и работать над новыми словарными статьями непосредственно на сайте с возможностью последующей конвертации данных в формат .doc(x). Это позволит сократить объем технической работы, в частности, форматирование разных фрагментов словарной статьи будет осуществляться автоматически как для представления через пользовательский интерфейс, так и для конвертации в традиционный текстовый формат.

Структура словарной статьи. В основу оформления словарной статьи положена статья словаря РСJ 2018, на котором базируется и

словник. Словарная статья включает: 1) акцентуированное заглавное слово и при наличии – его варианты (родовые, акцентологические, словообразовательные); 2) грамматическую информацию: а) для существительных – информацию о роде, для глаголов – о виде, для прилагательных – информацию о родовых формах, для прочих частей речи – указание на частеречную принадлежность; б) информацию о нерегулярных или аномальных грамматических формах; 3) стилистическую и отраслевую помету; 4) эквивалент; 5) примеры; 6) фразеологию. В отличие от исходного словаря, в нашем словаре не дается этимологическая помета, сокращаются или дополняются примеры и в многозначных словах иногда перерабатывается структура значения, в редких случаях могут добавляться стилистические пометы или пометы отрасли знания, управление сербского глагола, если оно отсутствует в толковом словаре. Спорадически в словарной статье может появляться информация о синонимах и антонимах, если указание на них важно для уточнения семантики слова. Приведем пример статьи НСРС, повторяющей по структуре статью из РСJ 2018¹:

дневно прил. **а.** *на дан, за један дан:* јести три пута ~. **б.** *из дана у дан, сваког дана, свакодневно:* примати плату ~, излазити ~ (о новинама) (РСJ 2018).

дневно нареч. **а.** *в день; јести три пута ~ есть три раза в день* **б.** *ежедневно; примати плату ~ получать зарплату ежедневно, излазити ~ выходить ежедневно (о газете)* (НСРС).

При трансформации статьи РСJ 2018 в статью НСРС могут возникать сложности, связанные с различиями в традициях грамматического описания или определения коллокаций, фразеологизмов, метафор и т.п. Однако главная проблема, которая встает при составлении статьи для сербско-русского словаря, – это соотнесение семантики исходного сербского слова с семантикой русского слова. В пределах одного значения проблема заключается в подборе эквивалентов, а в пределах полисемантической структуры – в адекватном представлении этой структуры в двухязычном словаре и соотнесении ее с русскими эквивалентами.

Проблемы несоответствия двух близкородственных языковых систем касаются не только традиционно выделяемой безэквивалентной

¹ Хотя заглавные слова в НСРС акцентуируются, в тексте данной статьи по техническим причинам они приводятся без ударений.

лексики, восходящей к отсутствию культурных реалий в одной из сопоставляемых культур, и не только сложностей перевода фразеологических единиц. Большую трудность для лексикографического описания представляют функциональные и стилистические несоответствия лексики, традиционно считающейся эквивалентной. Такие несоответствия имеют место по большей части среди дериватов с общими корнями. Расхождения в структуре подзначений многозначных слов могут приводить к несовпадениям функциональной составляющей. Так, например, у сербского слова *војвода* выделяется более широкий, чем у русского *воевода*, спектр значений, связанный с культурно-историческими реалиями территории распространения сербского языка.

војвода *м* (мн. *ж*) (зв. -до (-да)) **1.** *ист.* воевода (*командующий армией*) **2.** *ист.* **a.** воевода (*управляющий областью, краем в средневековой Сербии; правитель княжества, нахии или предводитель племени в Черногории и Герцеговине в период османского ига; правитель княжества, нахии в Сербии во время Первого сербского восстания*) **b.** управляющий территориальной единицей в Белградском пашалыке (*турок*) **в.** губернатор Воеводины в Австро-Венгрии **3.** *ист.* воевода (*высший военный чин в старой сербской и черногорской армии и югославской армии до Второй мировой войны*); ~ **Путник** воевода Путник, ~ **Степа Степанович** воевода Степа Степанович **4.** *ист.* воевода (*предводитель усташей, высший чин в формированиях четников*) **5.** член семьи правителя (*в некоторых странах*) **6.** *этн.* (особый) участник свадебной церемонии (*принимающий дары для невесты в конце свадебного шествия*) • **велики** ~ *ист.* главный военачальник в старой Сербии и Черногории.

Функциональные различия слов могут быть связаны с сочетаемостью, в таком случае они поддаются описанию только с помощью примеров употребления слова. Так, например, для русского языка не характерны словосочетания **головокружительный человек* как эквивалент сербскому *вртоглав човек* ‘человек, у которого кружится голова’ или **вертеть плечами* как эквивалент *вртети плечима* [16. С. 119–120].

Отсутствие межязыкового параллелизма на уровне словообразовательной структуры (в той же синхронной плоскости, в том же количественном отношении и т.д.,ср. *градић* и *городок*) также сопряжено с системными трудностями перевода. Примером может послужить сербский формант *-ишт-* в таких словах, как *бобовишиће* ‘место, где росли бобы’, *вртишиће* ‘место, где был сад’; компонент *-ран* в составе продуктивной

модели из двух корней: *кишибран* ‘зонт’, *блатобран* ‘брьзовик’ и др.; -*арина* со значением ‘плата за’: *путарина* ‘сбор на платной дороге’, *станирина* ‘квартплата’ и др.; *боља* ‘боль/болезнь’: *главобоља* ‘головная боль’, *грудобоља* ‘боль в груди’ и др. (об этом подробнее см. в [17]).

Зачастую сербское слово не имеет однословного эквивалента в русском языке. Это явление может возникать в том числе в сербских дериватах от двух производящих основ (*цинобрадаи* ‘чернобородый человек’, *циноберзијанац* ‘тот, кто работает на черной бирже’), феминитивах (*ауторка* ‘автор’ (о женщине), *авијатичарка* ‘пилот’ (о женщине), *агенткиња* ‘агент’ (о женщине)), диминутивах (*аријица* ‘небольшая ария’, *багремчић* ‘небольшая акация’, *баракица* ‘небольшой барак’), формально непереводимых наречиях (*решити бескровно* ‘решить мирным путем’ (букв. «без крови»), *живети бескровно* ‘жить на улице’ (букв. «без крыши»)), в словах с коннотативными и ассоциативными смысловыми приращениями, стилистически неэквивалентных словах и др. Помимо формальной безэквивалентности многих сербских диминутивов, причиной трудностей в подборе для них русских соответствий является более широкий диапазон словоформ в русском языке, которые имеют различную, иногда диаметрально противоположную эмоциональную окраску, зависящую от функционально-коммуникативного наполнения высказывания, которую невозможно определить однозначно без pragматического компонента иллюстративного примера. Например, *бродић* ‘кораблик’ в русском диапазоне значений может включать и уменьшительное, и иронически-увеличительное значение, ср. *Ничего себе кораблик!* ‘огромный’ (для сербского языка нетипично). Дополнительную сложность вызывают сербские диминутивы, имеющие помету *дем.* *од* X, где X представляет собой многозначное слово с несколькими значениями. В толковательной части сербского словаря не указывается, к какому из значений многозначного слова относится производное с пометой *дем.*, в то время как подзначения могут быть истолкованы разными русскими эквивалентами. Сказанное относится и к словам, толкуемым синонимами. Например, *барjak* семантизируется синонимами *флаг* и *знамя*, однако диминутив возможен лишь от слова *флаг* (подробно о проблеме описания диминутивов в НСРС см.: [18]).

Экспликация многозначности. При отображении в словаре структуры многозначного сербского слова на данный момент мы исходим из нескольких соображений.

Во-первых, поскольку словарь ориентирован прежде всего на русскоязычного пользователя, мы стараемся достаточно подробно представить весь набор значений исходного сербского слова. Во-вторых, при определении степени дробности представления полисемии мы ориентируемся в том числе на русские эквиваленты. Как правило, для многозначного сербского слова в русском языке есть не только многозначный эквивалент с близким набором значений, но и слова с более узкой семантикой, соответствующие исходному сербскому слову только в некоторых контекстах (ср. принятое в отечественной лексикографии понятие *контекстные синонимы*). Мы стараемся разделять значения, для которых характерны разные синонимические ряды русских переводных эквивалентов. См., например, фрагмент словарной статьи для слова *время*: несмотря на наличие когната *время*, мы выделяем у исходного сербского слова несколько значений, которым соответствуют разные наборы переводных эквивалентов (*часовой пояс* vs. *час*, *пора* vs. *период*, *сезон* vs. *эпоха*, *времена* vs. *время года*). Каждое значение иллюстрируется «диагностическими» контекстами – частотными сочетаниями и конструкциями, отражающими специфику употребления слова именно в этом значении.

време иекав. **вријеме**, времена с 1. (только ед.) *филос.*, *астр.*, *физ.*, *мат.*, *лингв.* время; **простор** и ~ пространство и время, **израчунати** ~ рассчитать время 2а. время (дня); **тачно** ~ точное время, **показати** ~ показать время 2б. время, часовой пояс; **средњоевропско** ~ центральноевропейское время 3. (только ед.) а. время, час, пора; ~ ручка время обеда, ~ му је за женид-бу ему пора жениться, ~ за растанак, за наплату час расставания, расплаты 3б. время, период, сезон; ~ цветања лубичица период цветения фиалок, ~ жетве время жатвы, ~ сетве время сева, посевной период, ~ бербе время уборки урожая 4а. период, эпоха, времена; ~ **Немањића** эпоха Неманичей, **Карађорђево** ~ эпоха Карагеоргия, **турско** ~ турецкий период, ~ **Хабзбурговаца** эпоха Габсбургов 4б. (часто мн.) время, времена; **тешка** ~на тяжелые времена, **мутна** ~на темные времена 5. время года, период; **пролећно** ~ весна, весенне время года, весенний период.

Наконец, в-третьих, мы по возможности учтываем достижения лексической типологии последних лет, согласно которым есть ряд параметров, влияющих на лексикализацию различных семантических зон. В частности, известно, что в языке один и тот же признак может обозначаться по-разному в зависимости от того, объект какого типа он характеризует (ср. *пустой* (контейнер) vs. *полый* (цельный объект); *толстая палка* vs. *широкая лента* (длинный вытянутый объемный

объект vs. длинный вытянутый плоский объект), или в зависимости от того, каким органом чувств он воспринимается (ср. *ровная* vs. *гладкая поверхность*: в первом случае качество оценивается скорее зрительно, во втором – тактильно)¹. Аналогично от типа описываемого объекта может зависеть обозначение частей ('низ', 'верх', 'бок' и т.п.); выбор глагола определяется типом одного или нескольких его аргументов (ср. *рубить* (дрова топором) vs. *пишить* (деревянный объект пилой) vs. *рвать* (ткань или бумагу руками))². Приведем в качестве примера словарную статью для слова *дно*, которую мы перерабатываем в соответствии с этими принципами: мы объединяем в одно значение все случаи, когда это существительное описывает нижнюю часть природного объекта – контейнера, но выносим в отдельное значение контексты, соответствующие обозначению нижней части контейнеров – артефактов. Поскольку природные объекты и артефакты – объекты разных таксономических классов, их нижние части могут получать разные лексические обозначения. Даже в русском языке помимо слова *дно*, применимого по отношению к объектам обоих типов, есть также существительное *донышко*, сочетающееся только с обозначениями артефактов.

дно с (ретко у мн.) **а.** *чврсто тло под воденом масом мора, језера, реке и сл.:* морско ~, речно ~, ~ језера, ~ баре. **б.** *доњи, најнижи део неког удубљења на Земљиној површини (долине, котлине и сл.):* ~ јаме, ~ долине, ~ кланца [а. твердое основание для водной массы моря, озера, реки и пр. б. нижняя часть углубления в земной поверхности (долины, котловины и пр.)] (РСЈ 2018).

дно с (редко мн.) **1.** дно; **морско** ~ морское дно, ~ **језера** дно озера, ~ **кланца** дно ущелья, ~ **долине** дно долины **2.** дно, донышко; ~ **лонца** дно кастрюли, ~ сандука дно ящика, сундука, ~ **брода** дно судна, ~ **резервоара** дно резервуара.

НСРС как основа для сопоставительных лексикологических исследований сербского и русского языков. Характерные отличия сербской и русской лексики, по замыслу авторов словаря, в будущем должны стать предметом систематического описания.

¹ Подробнее о лексической типологии качественных признаков см. в [19].

² О параметрах, влияющих на лексикализацию ситуаций разделения объекта на части, см. в [20]. Значимость семантического типа участников для выбора глагола, обозначающего всю ситуацию, была продемонстрирована и для многих других семантических зон, ср. в [21] о глаголах ползания, [22; 23] – о глаголах еды и питья, [24] о глаголах падения и др.

Анизоморфизм лексических структур сербского и русского языков проявляется на уровне категоризации и большей обобщенности семантики в сербском языке по отношению к русскому, т.е. в широком диапазоне реализуемых в сербском языке значений (ср. *белац* ‘человек с белой кожей’, ‘священник’, ‘конь’; *белача* ‘верхняя одежда’, ‘носки’; *белица* ‘пшеница’, ‘(белая) слива’, ‘черешня’, ‘куница’, ‘рыба’ и др.).

В сербском языке чаще, чем в русском, выражается семантика женского пола: в сербском выделена лексико-семантическая группа существительных мужского и женского рода, которым в русском соответствует или существительное только одного, мужского рода, или вообще не соответствует субстантивированная форма: *безазленик* ‘незлобивый человек’ – *безазленка*; *безбрижник* ‘бездаботный человек’ – *безбрижница*; *бесавесник* ‘бессовестный человек’ – *бесавесница*; *бескућник* ‘бездомный’ – *бескућница* и т.д.

На грамматико-семантическом уровне выявляются межъязыковые несоответствия на уровне граммем в рамках категорий рода и числа у имен, вида и рефлексивности у глаголов, а также различные случаи неполных парадигм. Так, в сербском языке группа наименований красящих веществ имеет единственное, а в русском – множественное число: *белило* – *белила*, *ванило* – *чернила*, *руменило* – *румяна*, см. также *гаравило*, *гарило* и т.д.

Межъязыковое сопоставление глаголов выявляет отсутствие, ограничения или нетипичность употребления одного из видов: *бацити икру* или *бацити бисер* *пред свиње* нетипично для русского языка, ср. **метнуть икру*, **бросить бисер перед свиньями*. Асимметрия наблюдается у глаголов *одушевити се* – *одушевљавати се* и *восторгаться*; *припадати* – *припасти* и *принадлежать*, *заспати* и *засыпать* – *заснуть*. Ряд глаголов имеет особую возвратную форму: *глядити се* – *поглаживать себя*; *осећати се* – *чувствовать себя*; *гледати се* – *смотреть на себя / свое отражение* (наряду со *смотреться*). Особую группу образуют взаимовозвратные глаголы: *волети се* – *любить друг друга*, *знати се* – *знать друг друга*, *ударати се* (*кресати се*) – *бить друг друга* и т.д. [17].

В работе [25] на примере переводных эквивалентов *бацити* и *бросать* показано, что в качестве инструмента для глубокого системного сопоставления русской и сербской лексики можно использовать результаты типологических исследований соответствующей семантиче-

ской зоны. В задачи лексико-типологического исследования того или иного семантического поля входит выявление набора значений, которые могут быть лексически противопоставлены друг другу в языках мира. Этот же набор может использоваться в качестве диагностического при сопоставлении русских и сербских переводных эквивалентов. Поскольку лексические системы, в отличие от грамматических, не очень устойчивы и быстро меняются, очень часто оказывается, что сербские и русские слова (в том числе когнаты) покрывают несколько разные фрагменты типологического набора (см., например, [26] о различиях в зоне глаголов поля ‘толкать’ или [27] о разных путях развития когнатов в семантическом поле ‘чистый’). Для лексической типологии близкородственных языков важно установить, одинаковы ли стратегии развития многозначности у когнатов (типа *дно*) и неродственных эквивалентов (типа *бросать* и *бацати*), насколько устойчиво наследственное семантическое единство живет в родственных словах и насколько сильно в близкородственных языках единство видения одной и той же ситуации (в случае *бросать – бацати*).

Работа над словарем позволила выявить ряд проблем, важных не только для сопоставительной, но и для собственно сербской лексикологии. Одна из них – это статус в сербском литературном языке слов, преимущественно употребляемых на западе сербской языковой территории. Традиционно они считаются результатом влияния языка на территории Хорватии, но широко употребляются в сербской среде Боснии и Герцеговины и трактуются там как полноправные сербские слова (*кино* ‘кино’, *тава* ‘сковорода’, *мрква* ‘морковь’ и др.) [10].

Заключение. Работа над двуязычным словарем близкородственных языков, каким является НСРС, подразумевает много трудностей, проистекающих не только от несовпадения сопоставляемых лексических систем, но и от различий в традициях словарного описания сербской и русской лексики, которые должны стать предметом отдельной статьи. Несовпадение лексикографических матриц: системы помет, подхода к трактовке вариантов, полисемантической структуры слова – все это значительно осложняет презентацию сербской лексики для русскоязычного пользователя. В процессе работы над словарем авторы не просто представляют сербскую лексику средствами русской, но и соотносят сербский лексикографический метаязык с русским. Такое сопоставление помогает раскрыть целый ряд важных

черт как сербской, так и русской лексики и принципов организации лексических систем сопоставляемых языков в целом.

Список источников

1. Толстой И.И. Сербско-хорватско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 1168 с.
2. Речник српскога језика. Београд : Matica srpska, 2018. 1474 с.
3. Prćić T., Dražić J., Milić M. i sarad. Srpski rečnik novijih anglicizama. Novi Sad : Filozofski fakultet, 2021. 641 с.
4. Оташевић Ђ. Речник нових речи. Београд : Алма, 2008. 258 с.
5. Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад : Прометеј, 2012. 1045 с.
6. Клајн И., Шипка М. Велики речник страних речи и израза. Нови Сад : Прометеј, 2007. 1644 с.
7. SrWac Serbian corpus from the Web. URL: <https://www.clarin.si/ske/#concordance> (дата обращения: 15.01.2024).
8. Берков В.П. Двуязычная лексикография. СПб : Изд-во СПб. ун-та, 1996. 248 с.
9. Драгићевић Р. Проблеми у избору одредница у српско-русском речнику // Stephanos. 2024. № 1 (63). С. 54–64.
10. Якушина Е.И., Црняк Д. Лексическое варьирование в речи носителей литературного языка на территории Республики Сербской // Филолог. 2023. № 28. С. 119–135.
11. Русско-сербский словарь / ред. Б. Станкович. Нови Сад : Матица Српска ; М. : Рус. яз., 1998. 1001 с.
12. Малый академический словарь. Т. 1–4 / ред. А.П. Евгеньева ; Институт русского языка АН СССР, 1957–1960. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
13. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред. проф. Э.Г. Улумбекова. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. 2263 с.
14. Королькова М.Д. Специальная лексика в двуязычном словаре // Славистика. 2023. XXVII/2 (в печати).
15. Makarov Y., Melenchenko M., Novokshanov D. Digital Resources for the Shughni Language // Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference. Marseille : European Language Resources Association, 2022. P. 61–64.
16. Шапич Ю.Л. О роли пользователя в лексикографическом источнике // Славистика. 2023. XXVII/1. С. 115–123.
17. Шапич Ю.Л. Сопоставительное описание лексических систем на материале сербско-русского словаря // Славяноведение. 2024 (в печати).
18. Шапич Ю.Л. О проблеме лексикографического представления диминутивов в сербско-русском словаре // Южнославенски филолог. 2024 (в печати).

19. Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. (eds). *The Typology of Physical Qualities*. Typological Studies in Language. Vol. 133. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2022. 340 p.
20. Majid A., Bowerman M. Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective // *Cognitive Linguistics*. 2007. № 18 (2). C. 133–152.
21. Fillmore C.J., Atkins B.Ts. Describing Polysemy: The Case of ‘Crawl’ // *Polysemy: Theoretical and Computational Approaches*. Oxford: Oxford University Press. 2000. C. 91–110.
22. Croft W.A. Connecting frames and constructions: A case study of ‘eat’ and ‘feed’ // *Constructions and Frames*. 2009. № 1 (1). P. 7–28.
23. Newman J. *The Linguistics of Eating and Drinking*. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2009. 296 p.
24. Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. Типология глаголов падения // *Acta linguistica petropolitana : труды Ин-та лингвист. исслед. РАН*. Т. XVI, ч. 1. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. 1091 с.
25. Рыжова Д.А. Типология и лексикография: русский глагол *бросить* и его сербский переводной эквивалент *бацити* на типологическом фоне // Славяноведение. 2024. № 2 (в печати).
26. Шерстюк А.Ю., Резникова Т.И. О семантической непрерывности: поле ‘толкать’ в славянских языках // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2021. Т. 80. № 5. С. 21–33.
27. Резникова Т.И., Печникова В.М. Чистая типология: о лексикализации семантики чистоты в славянских языках // *Slavistica Revija*. 2021. Т. 69, № 1. С. 103–120.

References

1. Tolstoy, I.I. (1957) *Serbsko-khovravsko-russkiy slovar'* [Serbian-Croatian-Russian dictionary]. Moscow: Gos. Izd-vo inostr. i nats. slovarey.
2. Matica srpska, (2018) *Rechnik srpskoga jezika* [Dictionary of the Serbian language]. Beograd: Matica srpska. (In Serbian).
3. Prćić, T. et al. (2021) *Srpski rečnik novijih anglicizama* [Serbian Dictionary of new anglicisms]. Novi Sad: Filozofski fakultet. (In Serbian).
4. Otashevih, Ђ. (2008) *Recčnik novih reči* [Dictionary of new words]. Beograd: Alma. (In Serbian).
5. Otashevih, Ђ. (2012) *Frazeološki rečnik srpskog jezika* [Phraseological Dictionary of the Serbian language]. Novi Sad: Prometej. (In Serbian).
6. Klajn, I. & Shipka, M. (2007) *Veliki rechnik stranih rechi i izraza* [Large dictionary of foreign words and expressions]. Novi Sad: Prometej. (In Serbian).
7. SrWac Serbian corpus from the Web. [Online] Available from: <https://www.clarin.si/ske/#concordance> (Accessed: 15.01.2024).
8. Berkov, V.P. (1996) *Dvuyazychnaya leksikografija* [Bilingual lexicography]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
9. Dragičević, R. (2024) Problemi u izboru odrednitsa u srpsko-ruskom rechniku [Problems in the selection of clauses in the Serbian-Russian dictionary]. *Stephanos*. 1 (63). pp. 54–64.

10. Yakushkina, E.I. & Tsrynyak, D. (2023) Lexical Variation Among Standard Language Speakers in Republic of Srpska. *Filolog* 28. pp. 119–135. (In Russian). doi: 10.21618/fil2328119j
11. Stankovich, B. (ed.) (1998) *Russko-serbskiy slovar'* [Russian-Serbian dictionary]. Novi Sad: Matitsa Srpska; Moscow: Russkiy yazyk.
12. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1957—1960) *Malyy akademicheskiy slovar'* [Small academic dictionary]. Vols 1–4. Moscow: USSR AS Institute of the Russian Language.
13. Ulumbekov, E.G. (2012) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskikh terminov* [Large encyclopedic dictionary of medical terms]. Moscow: GEOTAR-Media.
14. Korol'kova, M.D. (n.d.) Spetsial'naya leksika v dvuyazychnom slovare [Special vocabulary in a bilingual dictionary]. *Slavistika*. XXVII/2. (In press).
15. Makarov, Y., Melenchenko, M. & Novokshanov, D. (2022) Digital Resources for the Shughni Language. *Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*. Marseille: European Language Resources Association. pp. 61–64.
16. Shapich, Yu.L. (2023) O roli pol'zovatelya v leksikograficheskem istochnike [On the role of the user in a lexicographic source]. *Slavistika*. XXVII/1. pp. 115–123. (In Russian). doi: 10.18485/slavistika.2023.27.1.9
17. Shapich, Yu.L. (n.d.) Sopostavitel'noe opisanie leksicheskikh sistem na materiale serbsko-russkogo slovarya [Comparative description of lexical systems based on the material of the Serbian-Russian dictionary]. *Slavyanovedenie*. (In press).
18. Shapich, Yu.L. (n.d.) O probleme leksikograficheskogo predstavleniya diminutivov v serbsko-russkom slovare [On the problem of lexicographic representation of diminutives in the Serbian-Russian dictionary]. *Juzhnoslovenski filolog*. (In press).
19. Rakhilina, E., Reznikova, T. & Ryzhova, D. (eds) (2022) *The Typology of Physical Qualities. Typological Studies in Language*: Vol. 133. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
20. Majid, A. & Bowerman, M. (2007) Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective. *Cognitive Linguistics*. 18 (2). pp. 133–152.
21. Fillmore, C.J. & Atkins, B.Ts. (2000) Describing Polysemy: The Case of ‘Crawl’. IN: Ravin, Y. & Leacock, C. (eds) *Polysemy: Theoretical and Computational Approaches*. Oxford: Oxford University Press. pp. 91–110.
22. Croft, W.A. (2009) Connecting frames and constructions: A case study of ‘eat’ and ‘feed’. *Constructions and Frames*. 1 (1). pp. 7–28.
23. Newman, J. (2009) *The Linguistics of Eating and Drinking*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
24. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I. & Ryzhova, D.A. (2020) The metaphors of falling. *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. XVI (1). pp. 64–114. (In Russian).
25. Ryzhova, D.A. (2024) Tipologiya i leksikografiya: russkiy glagol “brosit” i ego serbskiy perevodnoy ekvivalent “batsiti” na tipologicheskem fone [Typology and lexicography: the Russian verb “brosit” and its Serbian translational equivalent “batsiti” on a typological background]. *Slavyanovedenie*. 2. (In press).

26. Sherstyuk, A.Yu. & Reznikova, T.I. (2021) On Semantic Continuity: The Domain of ‘Pushing’ in Slavic Languages. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 80 (5). pp. 21–33. (In Russian). doi: 10.31857/S241377150017125-0
27. Reznikova, T.I. & Pechnikova, V.M. (2021) Pure typology: The Lexicalization of ‘pure’ and ‘clean’ in Slavic Languages. *Slavistica Revija.* 69 (1). pp. 103–120. (In Russian).

Сведения об авторах:

Драгичевич Райна – д-р филол. наук, профессор филологического факультета Белградского университета (Белград, Сербия). E-mail: rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Королькова Мария Денисовна – канд. филол. наук, научный сотрудник Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: skifane@gmail.com

Рыжова Дарья Александровна – канд. филол. наук, доцент школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва, Россия). E-mail: daria.ryzhova@mail.ru

Шапич Юлия Леонидовна – канд. филол. наук, Российский центр науки и культуры «Русский дом», преподаватель, Россотрудничество (Москва, Россия). E-mail: julija.sapic@gmail.com

Якушкина Екатерина Ивановна – д-р филол. наук, доцент филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: jkatia@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rajna Dragičević, Dr. Sci. (Philology), professor, University of Belgrade (Belgrade, Republic of Serbia). E-mail: rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Maria D. Korolkova, Cand. Sci. (Philology), researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: skifane@gmail.com

Daria A. Ryzhova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: daria.ryzhova@mail.ru. ORCID 0000-0002-8387-0049

Yulia L. Shapich, Cand. Sci. (Philology), Center for Russian Science and Culture “Russian House”, teacher, Rossotrudnichestvo (Moscow, Russian Federation). E-mail: julija.sapic@gmail.com. ORCID: 0000-0002-4788-5497

Ekaterina I. Yakushkina, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: jkatia@yandex.ru. ORCID 0000-0002-0052-1338

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.03.2024;
одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 22.05.2024.*

*The article was submitted 04.03.2024;
approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 22.05.2024.*

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Научная статья

УДК 81-11 (038)

doi: 10.17223/22274200/32/4

Реализации когнитивной модели «человек – оружие» в русских поэтических текстах (на материале словарей образов)

Елена Викторовна Купчик¹

¹Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, elwika@list.ru

Аннотация. Рассматриваются реализации метафорических моделей «человек – оружие» в словарях поэтических образов Н.В. Павлович и Н.Н. Ивановой, О.Б. Ивановой. Определяется состав сферы цели (человек в целом, внешний человек, внутренний человек) и сферы источника (виды оружия, боеприпасы), характеризуются признаки сопоставления. Указываются ситуации, в которых человек проявляет себя в качестве оружия. Выявляются доминантные субъекты и объекты сопоставления, наиболее устойчивые и распространенные образные соответствия.

Ключевые слова: метафорическая модель, словарь образов, человек, оружие

Для цитирования: Купчик Е.В. Реализации когнитивной модели «человек – оружие» в русских поэтических текстах (на материале словарей образов) // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 61–80. doi: 10.17223/22274200/32/4

Original article

doi: 10.17223/22274200/32/4

The implementation of the cognitive model “human – weapon” in Russian poetic texts (based on dictionaries of images)

Elena V. Kupchik¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, elwika@list.ru

Abstract. The article examines the implementation of the metaphorical model “human – weapon”, which plays an important role in the linguistic conceptualization of human as the main object of study of modern linguistics. The military metaphor is important in objectifying human experience, which is reflected in image dictionaries. The aim of the work is to characterize the metaphorical models through which the basic cognitive model “human – weapon” is structured, based on the material of image dictionaries, which determines the novelty of the study. The material of the article is over 400 implementations of this model (comparative tropes) extracted from fragments of Russian literary texts presented in image dictionaries. Research procedures such as continuous sampling, descriptive method, modeling, and contextual analysis were used. The realizations of metaphorical models were classified according to the sphere of the target (the person as a whole; the external person; the internal person) and according to the sphere of the source (types of weapons). The signs of comparing a person with a weapon were revealed; the most significant subjects and objects of comparison were determined. Through the metaphors of weapons in Russian literary texts, almost the entire person receives understanding: human personality, body parts, organs, actions, feelings, emotions, mental states, thoughts. The most detailed representation is of a person’s face, primarily eyes, which are not only a noticeable detail of the external appearance, but also an important source of information about a person’s inner world. The “weapon eyes” model has the most voluminous source area, which includes numerous types of weapons and ammunition: arrows, bows, swords, sabers, swords, bullets, rifles, gunpowder, etc. The elements of an external person are compared with weapons of different types according to the signs of sharpness, shape, color, speed of movement, striking action. The inner world of a person is also represented by comparisons with a variety of weapons, a common feature of the comparison is the striking effect. The most traditional and widespread are figurative parallels, the source of which includes the designations of throwing, stabbing and cutting weapons, primarily arrows, as well as swords, spears and blades as parts of cold steel: both the realities of an external person and the manifestations of a person’s inner world are compared with them. Likening a person to a weapon is used when referring to a variety of situations in which a person enters into a confrontation, inflicts and receives wounds, wins and suf-

fers defeats. Implementations of metaphorical models of weapons have a wide range of uses: they describe a person's appearance, movements, character traits, moods, states, feelings, and attitude towards people.

Keywords: metaphorical model, dictionary of images, human, weapon

For citation: Kupchik, E.V. (2024) The implementation of the cognitive model “human – weapon” in Russian poetic texts (based on dictionaries of images). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 32. pp. 61–80. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/32/4

Введение

Внимание современной лексикографии к образным средствам языка находит отражение в развитии фигуративной лексикографии (термин Е.А. Юриной), яркими представителями которой являются ученики Томской лексикографической школы. В трудах Е.А. Юриной, А.В. Балдовой, Н.А. Живаго, М.В. Грековой и др. [1–4] представлено рассмотрен комплекс проблем, относящихся к лексикографическому описанию образной системы языка – к характеристике объекта фигуративной лексикографии, принципов и приемов идеографического описания образных средств языка, реализация которых позволяет дать глубокое системное описание фрагментов образной системы «в концептуальном и языковом планах» [3. С. 99].

Цель данной статьи заключается в характеристике метафорических моделей (ММ), структурирующих базовую когнитивную модель «человек – оружие», в русском поэтическом дискурсе на текстовом материале, приведенном в словарях образов. Актуальность исследования обусловлена важностью рассмотрения метафорического моделирования как способа концептуализации мира; вниманием современного антропоцентрического языкоznания к представлению человека в языке, в том числе в образных соответствиях, отражающих «сходство», «родство» человека с реалиями действительности; значимостью роли военной метафоры в объективации человеческого опыта.

Лексика военной тематики, как отмечают исследователи [5. С. 189], является одним из важнейших источников метафоризации, что обусловлено важностью роли войн в многовековой истории человечества и, как следствие, их влиянием на разные области человеческого бытия. По мнению А.П. Чудинова, в национальной ментальности с давних времен закрепляется богатый военный опыт человечества [6. С. 104]. Дж. Лакофф и М. Джонсон, рассматривая метафорич-

ность концептов, говорят о структуризации нашего дискурса «в терминах битвы» [7. С. 26–27].

В посвященных милитарным метафорам научных трудах приводятся их классификации, от кратких до развернутых, – как, например, в работах Т.Д. Магомадовой, выделяющей шесть тематических групп военных метафор [8], Н.В. Федотовой, распределяющей данные метафоры по двенадцати группам [9]. Вместе с тем в любой классификации таких метафор выделяется в качестве обязательного разряд «Оружие» (вооружение).

Оружие как разного рода средства, устройства, предназначенные для нападения или защиты и используемые человеком начиная с древнейших времен, является одним из важнейших элементов культуры. Ученые рассматривают оружие как нечто сакральное, говорят о символическом значении и оружия в целом, и отдельных его типов.

Словари поэтических образов являются важным источником информации о метафорических соответствиях, существующих в русской литературе на протяжении ее развития. В качестве таких источников нами использованы «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович (далее СПО) [10] и «Словарь языка поэзии» Н.Н. Ивановой и О.Е. Ивановой (далее СЯП) [11].

СПО представляет собой свод образных парадигм (моделей), содержащих метафорическую характеристику значимых концептуальных областей. Внутри каждого тематического раздела материал распределяется по рубрикам, включающим наиболее общие обозначения сфер цели и источника, например «Человек – орудие». Далее информация конкретизируется: человек – как царь, воин, женщина и др.; орудие – как пронизывающее или режущее орудие, огнестрельное оружие и др. Материалы СПО не только дают информацию о субъектах и объектах образных сопоставлений, но и позволяют определить варианты образов, закономерности их создания, степень распространенности моделей и т.д. СЯП дает исследователю возможность получить сведения о сочетаемости образных слов, разновидностях метафорических словосочетаний, синонимических средствах обозначения того или иного образа и др. Оба словаря содержат информацию, позволяющую представить историю развития тех или иных образных соответствий.

Данные источники весьма представительны и по протяженности отраженных в них периодов истории русской литературы (XVIII–

ХХ вв.), и по объему материала, и по количеству имен цитируемых авторов. СПО включает 40 000 образов свыше 600 авторов, СЯП – свыше 4 500 образов более 250 авторов. Метафорический материал представлен в данных источниках по-разному. В первом томе СПО приводятся образы, связанные с живыми существами, главным образом с человеком и его миром – с выделением больших и малых парадигм (моделей). В СЯП словарные статьи представлены в алфавитном порядке денотатов с указанием опорных слов; отдельно представлен иллюстративный материал. СЯП, в отличие от СПО, не является словарём тезаурусного типа, однако также имеет целью с достаточной полнотой представить существующие в художественном дискурсе парадигмы образов.

Данные словари обладают значительным источниковедческим потенциалом, включая паспортизованную информацию о реализации ММ в художественных текстах авторов разных эпох. Материалы СПО и СЯП дают исследователям метафоры возможность выявления корпуса базовых ММ и их частных разновидностей, определения состава областей источника и цели, степени устойчивости, распространенности образов и т.д.

Интересующий нас материал извлекался из разделов названных словарей, в которых субъектом сопоставления является человек (внешний и внутренний), а объектом – разнообразные орудия, в том числе и оружие. Мы считаем необходимым выделить оружие в особый разряд, поскольку оно, в отличие от других орудий, предназначено для причинения вреда кому-либо. Объектом исследования являются ММ, оба элемента которых включают номинации как человека, так и оружия. Среди лексико-семантических групп (ЛСГ), окружающих ядро семантического поля «оружие», главное место принадлежит ЛСГ «названия оружия» [12. С. 11]. Общий объем материала – 472 реализации ММ, из них 259 относятся к тематической области «Внешний человек».

Человек как область цели ММ «человек – оружие»

Как отмечает Ю.С. Степанов, из всех объектов мира человек «параметризован» в наибольшей степени [13. С. 717]. Языковым единицам, именующим человека, его тело, разум, чувства, способности, действия и т.д., принадлежит главное место в современной лексиче-

ской системе [14. С. 23]. Человек в языке зачастую концептуализируется посредством сопоставления с разнообразными объектами материального мира, в том числе и артефактами. Например, душа как особый, «нематериальный» орган имеет признаки сосуда, музыкального инструмента, механизма и т.д., в том числе оружия [15. С. 279–280].

Область цели ММ «человек – оружие» представлена номинациями, приведенными в СПО в разделах «Живые существа», «Органы и части тела» и «Ментальное», в СЯП – в словарных статьях, относящихся к частям тела человека его чувствам, характеру и т.д., и распределенными нами по трем разделам, каждый из которых включает несколько тематических групп.

I. Человек в целом: человек, женщина, воин, царь.

II. Внешний человек:

1. Тело и его части: тело; стан, позвоночник, грудь, живот; шея, горло, кадык.

2. Голова и ее составляющие: голова, лицо, лоб, скулы, глаза, брови, ресницы, веки, нос, губы, зубы, язык, волосы, усы, борода, уши, морщины.

3. Конечности: рука, ладонь, кулак, палец, нога.

4. Внутренние органы: мозг, желудок, мышца, сухожилие.

5. Половые органы.

III. Внутренний человек:

1. Душа и сердце как особые органы.

2. Чувства, эмоции: любовь, гнев, ревность и др.

3. Интеллектуальная сфера: ум, мысль, мечта и др.

4. Иные объекты ментальной сферы: вера, надежда, соблазн и др.

Отметим, что *душа* и *сердце* в наивно-языковой картине мира синонимизируются как наименования невидимых (но аналогичных материальным) органов внутреннего мира человека [16. С. 21]; в соответствии с данным представлением *душа* и *сердце* указаны в СПО в разделе «Органы и части тела».

Таким образом, посредством оружейной метафоры в художественном дискурсе осмыслиается практически весь человек – от анатомических деталей до проявлений чувственной, эмоциональной и интеллектуальной сфер. Наиболее метафоризованным в этом плане (почти половина от общего количества реализаций ММ «человек – оружие») является лицо человека. Будучи соотносимым в плане значения со словами «облик» и «личность», лицо является главной составной ча-

стью облика человека, поскольку именно оно способно передавать «ипостаси внутреннего человека» [17. С. 233]. Лицо имеет особую значимость в плане идентификации и коммуникации человека, что находит отражение в многочисленных единицах, составляющих фразеологический фонд языка [18].

Наибольшим количеством реализаций ММ «человек – оружие» в СПО и СЯП представлены такие элементы лица, как глаза, ресницы, губы, нос. В качестве области цели органы зрения упоминаются значительно чаще иных «человеческих» реалий (107 случаев). Неоднократно упоминаются в качестве области цели такие части тела, как зубы, язык, руки, ноги и др.

К доминантным субъектам сопоставлений с оружием в сфере внутреннего мира человека относятся главным образом проявления чувств и эмоций – положительных и отрицательных. К числу первых относится прежде всего любовь, сопоставляемая главным образом с холодным оружием (44 реализации ММ), вторых – разного рода негативные чувства и состояния: это, например, тоска, печаль, гнев, также имеющие аналоги в мире холодного оружия. Перечень проявлений внутреннего мира человека, сопоставляемых с оружием, включает также душу, сердце, жалость, веру и др. Интеллектуальная область в рамках данной ММ представлена в основном мыслю, которая сопоставляется с оружием разного вида – метательным, режущим, огнестрельным.

Оружие как область источника ММ «человек – оружие»

Область источника ММ включает обозначения разнообразного оружия – старинного и современного, имеющего разные особенности устройства и принципы действия. Материал источника в СПО группируется следующим образом: внутри парадигмы «человек – орудие» выделяются группы «пронизывающие или режущие орудия», «огнестрельное оружие» и «неострые бьющие или давящие орудия». В первой и третьей группах обозначения оружия соседствуют с названиями предметов иного назначения (например, *гвоздь, пила, игла* или *гиря, кочерга* и др.). С одной стороны, научные представления о чем-либо далеко не всегда совпадают с представлениями, отраженными в языке, и составители СПО учитывают различия «рационального» и «поэтического» миров; кроме того, имеются и типологические несовпадения в квалификации одного и того же. Классификация, в основе кото-

рой лежит назначение оружия, принципов устройства, источников энергии, включает такие типы оружия, как холодное, огнестрельное, реактивное, минно-взрывное, атомное и некоторые другие [19. С. 1155]. В толковом словаре приведены такие разновидности оружия, как холодное, стрелковое, артиллерийское, огнестрельное [20. С. 321], но не выделено метательное, которое, по мнению криминалистов, представляет собой отдельный вид оружия – наряду с холодным, огнестрельным и оружием взрывного действия [21]. С другой стороны, оружие, как представляется, в русском языковом сознании присутствует как особое понятие. Для человека – как внешнего, так и внутреннего – как объекта воздействия важны особенности действия оружия и характер наносимых им ран – колотых, резаных, огнестрельных и т.д. Мы выделяем в отдельный вид оружие взрывного действия: наносимые им раны принципиально отличаются от винтовочных и прочих. Отдельный разряд составляет метательное оружие: в ряде случаев оказываются принципиально важными и расстояние, с которого наносится удар, и скорость полета (например, в сопоставлениях людей со стрелами, быстро преодолевающими значительные расстояния), и особенности перемещения (бумеранг). В область источника ММ «человек – оружие» входят обозначения нескольких видов оружия (и его деталей), боеприпасов.

1. Колющее оружие: кинжал, копье, кортик, пика, рапира, шпага, штык; острие.

2. Режущее и рубящее оружие: алебарда, меч, нож (в качестве оружия), палаш, сабля, ятаган; клинок, лезвие.

3. Метательное оружие: дротик, лук; стрела, тетива.

4. Огнестрельное оружие: автомат, двустволка, винтовка, наган, пистолет, пулемет; дуло, ствол, жерло, прицел, курок, затвор, приклад.

5. Артиллерийское оружие: мортира, пушка, зенитное орудие; жерло.

6. Снаряды, боеприпасы: бомба, граната, динамит, дробь, заряд, картечь, обойма, порох, пуля, ракета, снаряд, торпеда, ядро.

7. Осадное оружие: таран, осадная машина.

Кроме того, упоминается характер действия оружия: выстрел, залп, взрыв.

Таким образом, в область источника ММ «человек – оружие» входят обозначения многочисленных видов оружия, различающегося по времени его применения (от старинного до современного), по внеш-

нему облику, устройству, предназначению, характеру поражающего действия и др.

К доминантным объектам данной сферы относятся прежде всего *стрелы*, с которыми сопоставляются разнообразные элементы внешнего и внутреннего человека. В СПО и СЯП выявлено 125 реализаций ММ с областью источника «стрела/стрелы», 54 из которых относятся к описанию внешнего человека, 71 – внутреннего. Стрела является образным аналогом следующих реалий, относящихся к человеку в целом и элементам его тела: человек, глаза, ресницы, брови, усы, язык, морщины, стан, ноги. Проявления чувственной и интеллектуальной сфер, сопоставляемые со стрелами, следующие: вера, желание, зависть, клевета, любовь, мысль, отчаяние, память, печаль, раскаяние, ревность, соблазн, страдание, ужас, тоска, ярость.

Наименования холодного оружия колюще-режущего действия используются в ММ, целью которых является обозначения и человека в целом, и частей его тела, органов, и проявлений ментальной сферы. К доминантным объектам сферы источника относятся такие виды оружия, как *меч*, *кинжал*, *копье*, а также *нож* – в тех случаях, когда он представлен в контексте не как режущий инструмент, а именно как холодное оружие, предназначенное для поражения, например: *ненавижу, как нож по ночам ненавидит живых* (А. Вознесенский). Из частей холодного оружия наибольшей частотностью отличаются те его элементы, которые непосредственно осуществляют колющее и режущее действие: *клинов, лезвие*.

Меч как холодное оружие имеет богатую символику. Исследователи отмечают, что назначение меча с течением времени расширялось – от боевого до религиозного, символического, социального и статусного [22. С. 113]. В реализациях ММ, относящихся к внешнему человеку, *меч* предстает образным аналогом лица, глаз, губ, морщин, языка, а также человека в целом. Из проявлений внутреннего человека мечу соответствуют как положительные и отрицательные чувства, представления и действия (любовь, красота, гнев, месть, злоба), так и объекты ментальной сферы (ум, мысль). Традиционным является сопоставление с данным оружием властителя, являющегося *мечом и щитом государства*.

Кинжалу в поэтическом мире соответствуют такие элементы внешнего человека, как глаза, борода, зубы. Применительно к внутреннему миру данный образ используется при описании причиняю-

ших страдания чувств, состояний и действий – отчаяния, душевной боли, раскаяния, клеветы.

Копье является образным соответствием разных элементов внешнего человека (глаз, усов, ресниц, стана, позвоночника) и дискомфортных внутренних состояний, вызванных болезнью или изменой.

Посредством сопоставления с *ножом* описываются разные составляющие внешнего человека (глаза, губы, зубы, нос, язык, ресницы, сердце) и его внутреннего мира (любовь, отчаяние, обида, раскаяние, ревность, воспоминания, лесть, мысль).

В качестве образного соответствия элементов внешнего человека неоднократно используются *клинов* (глаза, борода, мозг) и *лезвие* (глаза, борода, лицо, губы, ладонь). Посредством образа клинка характеризуются такие проявления внутреннего человека, как жалость, тоска, страдание, образа лезвия – тоска, печаль, месть, нежность, мысль, разум. Таким образом, *лезвие* по сравнению с *клином* имеет несколько более широкую сферу метафорического употребления.

Другие виды оружия (огнестрельного и иного) по сравнению с холодным отличаются в качестве области источника ММ значительно меньшей частотностью. Наибольшее количество представленных в СПО и СЯП примеров такого рода (в среднем 10 случаев на каждый вид) составляют реализации ММ, отражающие сопоставление реалий человека с таким типом оружия, как *пушика*, боеприпасами (*ядро, пулья*), а также явлением, происходящим при стрельбе – *выстрелом*.

Пушика является образным аналогом горла, носа, рта, шеи, а также глаз; в последнем случае основанием сопоставления является не внешний облик орудия и его звучание, а дальность расстояния «стрельбы», как, например, *дальнобойное око* (Ю. Арабов). С *ядром* сопоставляются главным образом части тела человека, имеющие шарообразную форму – голова, груди, кулак, кадык. В области чувств человека артиллерийскому орудию соответствует ненависть, обладающая большим разрушительным потенциалом и дальностью действия, например: ...твоя дальнобойная ненависть меня сбросила со скалы (А. Вознесенский). Значительная поражающая способность *пули* позволяет соотносить с ней органы человека, его чувства и мысли.

Признаки сопоставления человека с оружием

Сопоставление человека и его составляющих с разнообразным оружием базируется на нескольких признаках, относящихся к внеш-

нему виду оружия и особенностям его действия и характеризующих человека в аспектах его внешнего облика, действий, проявлений внутреннего мира.

Для описания внешнего человека особо значимыми являются сопоставления, базирующиеся на сходстве **формы** разнообразных частей тела (как и тела в целом) с тем или иным видом оружия, например: *Тело обтекаемое, как торпеда* (В. Соснора); *Его чрезмерно узкое лицо Подобно шпаге* (М. Цветаева); *глаз раскосый, как туркменская сабля* (Вс. Иванов); *Брови – лук* (М. Кузмин); *Яростное тело С ядрами грудей* (П. Васильев).

Такой признак холодного оружия, как **острота**, является основой для сопоставления с ним некоторых частей тела человека. Например, лицо может быть острым, как лезвие, как полоса дамасской стали (Ю. Сидоров), усы – штыками, стрелами и т.д. Для характеристики острого взгляда традиционным является сопоставление со стрелами. Признак остроты оружия актуализируется в описании реалий внутреннего мира человека. Ранящее воздействие на человека разнообразных чувств и эмоций передается в сопоставлениях с острым (колющим, режущим) оружием: *стрелой, копьем, кинжалом, пикой, клинком* и т.д., а также с такими элементами оружия, как *острие, лезвие*: например, любовь – в сердце *острие* (Г. Иванов), *холод лезвия* (В. Брюсов).

В ряде случаев при характеристике внешнего и внутреннего человека посредством сопоставления с оружием важным является фактор **быстроты** движения. Для передачи высокой скорости перемещения традиционным является сравнение со *стрелой*: например, всадники скачут *быстрее стрел* (М. Лермонтов), как *стрелы быстрые* (В. Петров) и т.д. (ср.: *лететь стрелой*). Это же сопоставление характеризует и движения другого рода – например, пляски: *Пляшет неистово, быстро и бешено – панна-стрела* (А. Ремизов). Быстрый, энергичный вход куда-либо передается сопоставлениями с *бомбой*. Применительно к внутреннему миру скорость действия оружия важна при метафорической передаче либо стремительного, либо замедленного воздействия на человека того или иного чувства.

В некоторых случаях уподобление оружию основывается на **цветовом** сходстве оружия и человека, например: *Бела да ясна, словно шашка в сияньи месяца* (С. Соколов). Лыжи предстают стрелами,пущенными в снег *тетивой Малиновых сухожилий* С белого лука Деви-

чых ног (М. Зенкевич). Из частей тела с оружием ассоциируются прежде всего глаза: это *взрывы – черные они, с огнем внутри* (Е. Евтушенко); *И прыгает черными ядрами Очей шоколадных картечь* (Л. Мартынов) и др. Блестящему оружию уподобляются глаза, влажное тело и др.

Звуковые ассоциации отмечены в словарях в единичных случаях: таково, например, уподобленное артиллерийскому орудию горло громко говорящего или кричащего человека: *…погрохатывал, как артиллерией, горлом* (А. Белый); *Тыща глоток – тыща пушек* (А. Веселый).

Доминирующем же признаком сопоставления человека и оружия является его **поражающее действие**, способность наносить разного рода раны, убивать. Объекты поражения принадлежат внутреннему миру человека, субъекты же – разным видам оружия. Человека ранят и убивают и *стрелы, кинжалы, копья взглядов*, о которых пишут самые разные авторы, и *ятаганы бровей* (И. Сельвинский), и *кинжалы, мечи, штыки, пули* и т.д. различных чувств и эмоций. Масштаб причиняемого таким оружием ущерба может быть различным. Если женщина – *не дама, а динамит* (Н. Олейников) – выводит из душевного равновесия конкретного мужчину, заставляя его *гореть*, то литературный критик – *чернильное ядро* (С. Черный) – причиняет вред сразу многим.

В ряде случаев сопоставления с оружием отражают потенциальную опасность, готовность оружия быть использованным, например: *Сама же ты угрозней мины: / На твой чарующий талант / Кто натолкнется, тот взорвется* (И. Северянин): *…взор как меч, как яд опасен* (М. Лермонтов); любовь – *меч взнесенный* (В. Брюсов) и др.

Метафорические соответствия человека и оружия

Рассмотрение представленного в СПО и СЯП метафорического материала позволяет выделить несколько комплексов ММ.

1. «Человек в целом – оружие». К данной группе относятся сравнительно немногочисленные реализации ММ, характеризующие человека «недетализированного». К таковым принадлежат люди определенного статуса. Это, например, царь, являющийся мечом государства; его потомки, а также посланники, воины, проникающие, подобно стрелам, в разные области земли. Данные сопоставления нередко встречаются в произ-

ведениях авторов минувших веков: соответствующие ММ иллюстрируются фрагментами из текстов Г. Державина, А. Хомякова, В. Петрова и др. Посредством оружия символически осмысляется жизнь человека: например, героя Б. Ахмадулиной определяет себя как нацеленную в солнце стрелу, которую *спускают с тетивы* в момент ее рождения; герой Н. Гумилева осмысляет себя как *дротик, уставший в траву*.

2. «Внешний человек – оружие». Данную группу моделей составляют многочисленные образные сопоставления, отличающиеся значительной детализацией как области цели (практически все составляющие человека), так и области источника (разнообразные виды оружия и его деталей).

Традиционным является описание лица посредством сопоставления его главным образом с холодным оружием, обладающим пронизывающим или режущим действием и характеризующим вид лица – его вытянутость, заостренность, а также недобродор выражение. Таково, например, *раскаленное добела лицо разгневанной женщины*, ассоциирующееся с *острием*, готовым поразить противника (А. Терц).

Форма носа является основанием для его сопоставления с холодным оружием, например: *носиком, точно рапирою... на брата настасвился* (А. Белый). Наличие в данном органе отверстий дает авторам возможность сопоставлять нос с оружием соответствующего вида: ноздри – *двустволка* (В. Маяковский), *два ружейных дула* (И. Бунин), *дуло орудия* (А. Белый).

Губы, рот человека сопоставляются с холодным, метательным, артиллерийским оружием главным образом по очевидному признаку сходства формы с луком, саблей, лезвием ножа, открытого рта – с дулом орудия. Вместе с тем такие параллели связаны и с речью: губы *язвят, как нож* (В. Брюсов), *говоришь, как из дула – в затылок* (В. Соснора). Сравнение языка с колющим и режущим оружием отражает особенности речевого поведения человека, наносящего урон противнику – открыто или исподтишка: например, *язык-нож* рубит *направо и налево* людские пороки (Ап. Григорьев).

Некоторые детали лица имеют в метафорах оружия достаточно скромный образный потенциал. Ресницы сопоставляются главным образом со стрелами – данная образная параллель, активная как в старой, так и в новой поэзии, базируется на сходстве формы и потенциальной опасности для человека (внутреннего): стрелы ресниц *ранят, пронзают, разят*. Традиционным является сопоставление зубов с но-

жами, кинжалами, саблями, передающее, как правило, впечатление об опасности человека, уподобленного хищнику: например, *саблезубый рот* (С. Соловьев). Лоб, отличающийся значительной прочностью, что позволяет ему наносить удары, сравнивается с оружием ударного действия: *упорный, как таран* (Л. Леонов), *с тараном схожий* (Д. Андреев). Усы, борода, брови сопоставляются по внешнему сходству с оружием колющего и режущего действия: стрелами, кинжалами, палашами, штыками.

Центральное место в системе ММ, отражающих уподобление человека оружию, занимает сопоставление «глаза – оружие». Реализации данной ММ в количественном отношении существенно преобладают над относящимися к иным моделям, имеющим в качестве области цели обозначения элементов человека как субъекта милитарных метафор. Глаза представляются совершенно особым органом, способным не только зрительно воспринимать окружающий мир, но и передавать разного рода информацию о внутреннем мире человека, о чем свидетельствуют многочисленные фразеологизмы, отражающие душевное состояние человека, его жизненную позицию и т.д., – рассмотренные, например, в [23]. Будучи «зеркалом души», глаза в системе человека находятся «на границе» внешнего и внутреннего, являясь и значимой частью портретных описаний, и средством раскрытия нематериальной составляющей человека.

ММ «глаза – оружие» отличается многообразием содержания сферы источника, включающей практически все виды оружия, использующегося в русской метафорической системе для характеристики человека. Глаза оказывают воздействие, аналогичное действию оружия разного рода: *колют, вонзаются, пронизывают, режут, расстреливают, ранят*.

3. «Внутренний человек» – оружие. Реализации данной ММ характеризуют главным образом мир чувств и эмоций, выступающих по отношению к их носителю как средство вредоносного воздействия. Таковыми являются в основном отрицательные чувства, среди которых наиболее заметны тоска и печаль, соотносимые в частных ММ с оружием колющего и режущего действия. Ранящий эффект такого оружия иногда расценивается как результат воздействия извне. Например, в адрес кого-либо может быть пущена *отравленная стрела грусти* (В. Хлебников), *тоски жестокой лезвие* вонзается в грудь (К. Павлова). Объектом воздействия отрицательного чувства является

и человек в целом, и его телесные и духовные составляющие – грудь, сердце, душа, что отражается в текстах поэтов старого и нового времени. Смертельные раны наносят человеку *нож кручины* (В. Кюхельбекер), *клинов тоски* (В. Нарбут), *копье скорби* (М. Цветаева) и др. Сопоставление данных чувств с колющим и режущим оружием (т.е. острым) отражает характер их воздействия на человека – причинение острой, резкой, сильной боли.

Чувства иного плана, возникающие у человека при возмущении, высокой степени недовольства чем-либо, получают воплощение в сопоставлении с мощным оружием – например, в традиционных метафорах *меч гнева, меч злобы*. Традиционное осмысление гнева как огня, отраженное в текстах многих поэтов (Г. Державина, П. Вяземского, В. Майкова, В. Петрова), делает возможным его сопоставления с оружием соответствующего вида: *яростный взрыв злобы* (М. Волошин), *таран – обугленное бревно гнева* (В. Хлебников).

Образные соответствия в милитарной сфере имеют и положительные чувства и состояния: радость, счастье, но в большинстве случаев – любовь. Соответствующая ММ отличается значительной устойчивостью как в старой, так и в новой поэзии и обладает значительным «арсеналом» области источника. Традиционными являются сравнения любви со *стрелами, мечом, секирой, ятаганом, ножом*, с такими частями холодного оружия, как *клинов, острие, лезвие*. Такие сопоставления несут информацию о поражающей, опасной для человека силе чувства; любовь – в *сердце острие* (Г. Иванов), *меч взнесенный* (В. Брюсов) и др.

В области интеллектуальной сферы наиболее значимой является ММ «мысль – оружие». Уподобление стрелам отражает быстроту мыслей, их способность преодолевать значительные расстояния: летят, как из лука *стрелы* (В. Петров), достигают *небес вершины* (В. Щастный). Острота мысли охарактеризована сопоставлениями с соответствующим оружием и его частями – *стрелой, мечом, ножом, лезвием*. В текстах авторов XX в. появляется такое основание сопоставления мыслей с оружием, как траектория: мысль обладает способностью двигаться не по прямой, возвращаясь в исходную точку. Таков, например, *бумеранг привычных дум* (О. Мандельштам) или подобная ракете мысль героя А. Вознесенского, которая, *описав дугу, набирала мощь*.

Выводы

Посредством многочисленных метафор оружия в русских художественных текстах старого и нового времени получает осмысление практически весь человек: его личность, части тела, органы, действия, чувства, эмоции, душевные состояния, мысли. Наиболее подробно представлено лицо человека, прежде всего глаза, которые являются не только заметной деталью внешнего облика, но и важным источником информации о внутреннем мире человека. Модель «глаза – оружие» имеет наиболее объемную область источника, в которую включаются многочисленные виды оружия и боеприпасов: *стрелы, лук, мечи, сабли, шпаги, пули, винтовки, порох* и др. Элементы внешнего человека сопоставляются с оружием разного вида по признакам остроты, формы, цвета, быстроты перемещения, поражающего действия. Внутренний мир человека также представлен сопоставлениями с разнообразным оружием, общим признаком сопоставления является поражающее действие.

Наиболее традиционными и распространенными являются образные параллели, в сферу источника которых входят обозначения метательного, колюще-режущего оружия, прежде всего *стрел*, а также *мечей, копий* и таких частей холодного оружия, как *клинов, лезвие*: с ними сопоставляются как реалии внешнего человека, так и проявления его внутреннего мира. Уподобления человека оружию используется при обращении к самым разным ситуациям, в которых человек вступает в конфронтацию, наносит и получает раны, одерживает победы и терпит поражения. Реализации ММ «человек – оружие» имеют широкую сферу использования: описывают внешность человека, его движения, особенности характера, настроения, состояния, чувства, отношение к людям и др.

Общую перспективу исследования данной области составляет осмысление реализаций ММ «человек – оружие» в когнитивном и антропологическом аспектах с привлечением иных источников метафорического материала, в частности Национального корпуса русского языка.

Список источников

1. Юрина Е.А. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов. Опыт лексикографической презентации // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 63–80.

2. Юрина Е.А., Живаго Н.А. Метафоризация поглощения пищи в образном строем русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 107–121.
3. Юрина Е.А., Балдова А.В. Русская пищевая метафора как объект идеографической лексикографии // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 81–104.
4. Грекова М.В. Лексикографическая параметризация общезыковой образности в «Словаре пищевой метафоры» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 23 с.
5. Баранов А.Н., Карапулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М. : ИРЯ АН СССР., 1991. 193 с.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2024. 256 с.
8. Магомадова Т.Д. Военная метафора в современном английском, немецком и русском медиадискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 229 с.
9. Федотова Н.В. Военная метафора в современном русском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022. 24 с.
10. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы. В 2-х т. Т.1. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 848 с.
11. Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии: Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. М. : Астрель : Русские словари : Транзитника, 2004. 666 с.
12. Канафайев Р.Н. Структурно-семантический и лингвокультурологический анализ полевой организации лексики: на материале семантического поля «оружие» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005. 28 с.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004. 992 с.
14. Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем мире: проспект / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : ИРЯ, 2004. 135 с.
15. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово : ИПК «Графика», 2004. 386 с.
16. Попова О.П. Человек как артефакт биотехнологий. М. : Канон +, 2017. 336 с.
17. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М. : Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
18. Коротун О.В. Семиосфера внешнего человека в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка. Серия: Концептуальные исследования. Вып. 2 / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово : ИПК «Графика», 2003. С. 229–236.
19. Меркулова Н.Г. Культурные коды головы в отечественном социокультурном пространстве: лингвокультурологические аспекты анализа // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 287–299.
20. Задоян А.А. Понятие оружия и его виды // Lex Russica. Научные труды МГЮА. 2011. № 6. С. 1155–1173.

21. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. М. : Оникс, 2010. 640 с.
22. Плескачевский В.М. Оружие в криминалистике. Понятие и классификация. М. : Спарт, 2001. 344 с.
23. Горбулева М.С. Оружие символа и символ оружия: семиотические граници образования // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 112–115.
24. Селиверстова Е.И. Глаза как зеркало души: лексико-фразеологический аспект // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. 2018. № 2. С. 388–402.

References

1. Yurina, E.A. (2013) Russian food tradition in the mirror of linguistic images. Experience of lexicographical presentation. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (3). pp. 63–80. (In Russian).
2. Yurina, E.A. & Zhivago, N.A. (2015) Metaphorization of Eating in the Imagery of the Russian Language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (35). pp. 107–121. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/35/9
3. Yurina, E.A. & Baldova, A.V. (2024) Russian food metaphor as an object of ideographic lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 31. pp. 81–104. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/31/5
4. Grekova, M.V. (2017) *Leksikograficheskaya parametrizatsiya obshcheyazykovoy obraznosti v "Slovare pishchevoy metafory"* [Lexicographic parameterization of general linguistic imagery in the Dictionary of Food Metaphor]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
5. Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1991) *Russkaya politicheskaya metafora: materialy k slovaryu* [Russian political metaphor: materials for the dictionary]. Moscow: USSR AS Institute of the Russian Language.
6. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskem zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
7. Lakoff, G. & Johnson, M. (2024) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS.
8. Magomadova, T.D. (2015) *Voennaya metafora v sovremenном angliyskom, nemetskom i russkom mediadiskurse* [Military metaphor in modern English, German and Russian media discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
9. Fedotova, N.V. (2022) *Voennaya metafora v sovremennom russkom diskurse* [Military metaphor in modern Russian discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
10. Pavlovich, N.V. (1999) *Slovar' poeticheskikh obrazov: Na materiale russkoy khudozhestvennoy literatury* [Dictionary of poetic images: Based on Russian fiction]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Editorial URSS.
11. Ivanova, N.N. & Ivanova, O.E. (2004) *Slovar' yazyka poezii: Obraznyy arsenal russkoy liriki kontsa XVIII – nachala XX v.* [Dictionary of the language of poetry: The

figurative arsenal of Russian lyric poetry of the late 18th – early 20th centuries]. Moscow: Astrel': Russkie slovari: Tranzitniga.

12. Kanafiev, R.N. (2005) *Strukturno-semanticheskiy i lingvokul'turologicheskiy analiz polevoy organizatsii leksiki: na materiale semantichestkogo polya "oruzhie" v russkom yazyke* [Structural-semantic and linguocultural analysis of the field organization of vocabulary: on the material of the semantic field “weapon” in the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ivanovo.
13. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2004) *Russkiy ideograficheskiy slovar'*. *Mir cheloveka i chelovek v okruzhayushchem mire: prospekt* [Russian ideographic dictionary. The world of human and human in the surrounding world]. Moscow: Institute of the Russian Language.
15. Pimenova, M.V. (2004) *Dusha i dukh: osobennosti kontseptualizatsii* [Soul and spirit: features of conceptualization]. Kemerovo: IPK “Grafika”.
16. Popova, O.P. (2017) *Chelovek kak artefakt biotekhnologiy* [Human as an artifact of biotechnology]. Moscow: “Kanon +”.
17. Uryson, E.V. (2003) *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira. Analogiya v semantike* [Problems of studying the linguistic picture of the world. Analogy in semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
18. Korotun, O.V. (2003) Semiosfera vneshnego cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira [Semiosphere of the external person in the Russian language picture of the world]. In: Pimenova, M.V. (ed.) *Mir cheloveka i mir yazyka. Seriya “Kontseptual'nye issledovaniya”* [he World of Man and the World of Language. Conceptual Studies Series]. Vol. 2. Kemerovo: IPK “Grafika”. pp. 229–236.
19. Merkulova, N.G. (2016) *Kul'turnye kody golovy v otechestvennom sotsiokul'turnom prostranstve: lingvokul'turologicheskie aspeкty analiza* [Cultural codes of the head in the domestic sociocultural space: linguocultural aspects of analysis]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 4. pp. 287–299.
20. Zadoyan, A.A. (2011) *Ponyatie oruzhiya i ego vidy* [The concept of weapon and its types]. *Lex Russica. Nauchnye trudy MGYuA*. 6. pp. 1155–1173.
21. Ozhegov, S.I. (2010) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: “Izdatel'stvo Oniks”.
22. Pleskachevskiy, V.M. (2001) *Oruzhie v kriminalistike. Pomyatie i klassifikatsiya* [Weapon in forensics. Concept and classification]. Moscow: Spark.
23. Gorbuleva, M.S. (2009) *Oruzhie simvol i simvol oruzhiya: semioticheskie granitsy obrazovaniya* [Weapons of symbol and symbol of weapons: semiotic boundaries of education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 10. pp. 112–115.
24. Seliverstova, E.I. (2018) *Glaza kak zerkalo dushi: leksiko-frazeologicheskiy aspekt* [Eyes as a mirror of the soul: lexical and phraseological aspect]. *Vestnik RUDN. Seriya: teoriya yazyka, semiotika, semantika*. 2. pp. 388–402.

Сведения об авторе:

Купчик Елена Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры языкоznания и литературоведения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: elwika@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena V. Kupchik, Dr. Sci. (Philology), professor, Department of Linguistics and Literary Studies, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: elwika@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.02.2024;
одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 22.05.2024.*

*The article was submitted 16.02.2024;
approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 22.05.2024.*

Научная статья
УДК 811.161.1'37
doi: 10.17223/22274200/32/5

Маркеры языковой толерантности/ интолерантности в современных фразеологических словарях

Мария Леонидовна Лаптева¹, Юлия Александровна Васильева²

^{1, 2} Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева,
Астрахань, Россия

¹ hohlinna2004@yandex.ru

² gis_00@mail.ru

Аннотация. Описаны маркеры толерантности и интолерантности по данным современных фразеологических словарей русского языка. К ним относятся семантические биномы «снисходительность – презрение», «сочувствие – осуждение», «отзычивость – равнодушие», «внимание – отвержение», «согласие – отказ», «условность – бесцеремонность». В каждой семантической паре доминируют вербализаторы интолерантности, что свидетельствует о невысокой степени значимости толерантности для русской лингвокультуры.

Ключевые слова: языковая толерантность/интолерантность, семантический маркер, семантический бином, фразеологический словарь, семантика

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Министерства образования и науки Астраханской области, проект № 23-28-10019.

Для цитирования: Лаптева М.Л., Васильева Ю.А. Маркеры языковой толерантности/интолерантности в современной фразеографической практике // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 81–94. doi: 10.17223/22274200/32/5

Original article

doi: 10.17223/22274200/32/5

Markers of linguistic tolerance/intolerance in modern phraseological dictionaries

Maria L. Lapteva¹, Yulia A. Vasilyeva²

^{1, 2}Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

¹hohlinna2004@yandex.ru

²gis_00@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is determined by the need to identify the phraseological capacity of the Russian language tolerance and intolerance, which cannot be done without referring to the data of modern lexicographic sources. Linguistic tolerance is understood as the presence in the language of verbal means available for characterizing the sphere of communication, unfolding in the categories of “one’s own/someone else’s”, and for applying positive judgments, excluding hostility and aggression, in a speech situation of interaction with those who differ in some way from the speaker. Linguistic intolerance refers to the use of humiliating, offensive, disparaging words and statements. The aim of the article is to identify the degree of phraseological marking of tolerance and intolerance in the system of the modern Russian language. The study was conducted with the use of material from a number of authoritative phraseological dictionaries, as well as dictionaries of lexical and phraseological synonyms published after the year 2000. It has been determined that manifestations of linguistic tolerance/intolerance at the phraseological level are procedural indirectly derived units of the semantic class “Attitude”, i.e., units that reveal interpersonal or social relations. These include phraseological units of emotional and evaluative attitude or external manifestation of attitude, affection for contact or, on the contrary, alienation. The same number of semantic signs of linguistic tolerance and linguistic intolerance has been defined, forming the semantic binomials “condescension – contempt”, “sympathy – condemnation”, “responsiveness – indifference”, “attention – rejection”, “consent – refusal”, “conventionality – impudence”. These meanings are recognized as nationally and culturally significant and relevant, forming a special fragment of the Russian language worldview. Quantitative indicators of the representation of phraseological units in the language demonstrate the asymmetry of tolerance/intolerance. In each semantic pair, verbalizers of intolerance dominate, which indicates the low degree of importance of tolerance for Russian linguistic culture. The analyzed units are included in the current corpus of Russian phraseology, since they are found in the dictionaries of all phraseographic publications of the first quarter of the 21st century. The difficulty of parameterizing phraseological units as verbalizers of linguistic tolerance/intolerance is caused

by the borrowed nature of the concept “Tolerance”, and, consequently, by the “alienity” of the system of ideas about what attitude and behavior is considered intolerant.

Keywords: linguistic tolerance/intolerance, semantic marker, semantic binomial, phraseological dictionary, semantics

Acknowledgements: The study is funded by the Russian Science Foundation and the Ministry of Education and Science of the Astrakhan Region, Project No 23-28-10019.

For citation: Lapteva, M.L. & Vasilyeva, Yu.A. (2024) Markers of linguistic tolerance/intolerance in modern phraseological dictionaries. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 32. pp. 81–94. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/32/5

В парадигме лингвистических исследований XXI в. особое место занимают проблемы межкультурной коммуникации и межъязыкового взаимодействия, актуальность которых в современных геополитических условиях не подвергается сомнению. В связи с этим возникает необходимость обратиться к проблеме толерантной коммуникации в общем и способам выражения в русском языке толерантного отношения к окружающим в частности, что важно, прежде всего, для обеспечения бесконфликтного межкультурного общения на русском языке внутри многонационального российского общества.

Само понятие «толерантность» носит междисциплинарный характер: в последние два десятилетия оно актуализировалось и как социальный, и как политический феномен; стало объектом рассмотрения и в социальных, и в гуманитарных науках. Отметим, что уже были проведены исследования концепта «Толерантность» в лингвокультурологическом [1], когнитивно-дискурсивном [2] и диахроническом аспектах [3; 4], предприняты попытки разграничить содержание иноязычного слова «толерантность» и смысловой объем слов «терпение» и «терпимость» [5], изучены особенности формирования и реализации интолерантного и толерантного массмедиийного дискурса [6], сопоставлены репрезентанты толерантности в разных лингвокультурах [7–10].

Вслед за терминообозначением «этническая толерантность», обслуживающим область отношения к представителям «иной» культуры; «политическая толерантность», рассматриваемым как элемент политической культуры, и «межличностная толерантность», касаю-

щимся субъект-субъектного взаимодействия, появляется лингвистическое сочетание «языковая толерантность» [11; 12].

Однако, во-первых, данное понятие не является устоявшимся в современной лингвистической науке, во-вторых, мы не находим исследований, в которых бы системно решалась задача выявления и описания корпуса разноуровневых языковых единиц, характеризующих толерантное или нетолерантное коммуникативное поведение говорящего, что, на наш взгляд, и определяет научную проблему предпринятого исследования. Появляется лингвистическая потребность комплексно представить единицы языка, которые могут быть условно названы «толерантные» или «нетолерантные», с учетом значимости проблем коммуникативной реальности в современной России и актуальности вопросов толерантной коммуникации для современного российского общества.

Под языковой толерантностью нами в аспекте лингвокультурологических воззрений понимается наличие в языке вербальных средств, доступных (а) для характеристики ситуации общения, разворачивающейся в категориях «свой/чужой», и (б) для применения в речевой ситуации взаимодействия с тем / с теми, кто по каким-либо признакам отличается от говорящего, позитивных суждений, исключающих враждебность и агрессию. В свою очередь, под интолерантностью в языке подразумевается использование унизительных, оскорбительных, пренебрежительных слов и высказываний.

Возникает необходимость определить, каков фразеологический потенциал русской языковой толерантности и интолерантности соответственно, что, безусловно, невозможно сделать без обращения к данным современных лексикографических источников. Поэтому цель настоящей статьи – выявить степень фразеологической маркированности толерантности и интолерантности в системе современного русского языка. Исследование проводилось на материале ряда авторитетных фразеологических словарей («Русская фразеология» Р.И. Яранцева и др.), а также словарей лексических и фразеологических синонимов, увидевших свет после 2000 г.

Фразеологическая система языка является наиболее культуроиспользованием, в знаках косвенно-производной номинации отражаются все культурные смыслы, в том числе и те, что раскрывают сферу межличностных и социальных отношений.

Предполагаем, что языковая толерантность/интолерантность на уровне фразеологии может быть объективирована фразеологическими единицами, которые 1) передают толерантное/интолерантное отношение субъекта к объекту; 2) называют лицо, которое отличается толерантностью / проявляет интолерантность; 3) обозначают/характеризуют ситуацию, где разворачивается толерантное/интолерантное межличностное взаимодействие. При этом вежливое, уважительное и доброжелательное отношение рассматривается нами как толерантное, а нетерпимое, грубое враждебное и агрессивное – как интолерантное. В данном случае понятия «толерантность/интолерантность» не ограничиваются идеологическим социально-политическим дискурсом, сфера их употребления и семантическая структура расширяются.

Обратившись к словарю-справочнику «Русская фразеология» Р.И. Яранцева (далее – РФЯ) [13], мы не обнаружили ни в одном тематическом блоке прямого указания на вербализацию фразеологическими единицами понятия «толерантность» или понятия «терпимость», традиционно считающегося лексическим репрезентантом данного концепта в русской лингвокультуре. Возможно, именно по этой причине К.Э. Нагаева высказывает мысль о том, что концепты «Терпимость» и «Толерантность» в русском языке не репрезентированы фразеологическими единицами [5. С. 186], с чем, впрочем, мы не можем согласиться.

Для того чтобы определить, фразеологические единицы с каким значением могут объективировать толерантное или, напротив, интолерантное отношение, нам необходимо было установить семантический объем в русском языке самого понятия «толерантность». С этой целью мы обратились к лексикографическим источникам.

В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой лексема *толерантность* с пометой «книжное» представлена в ряду с доминантой *снисходительность* вместе с такими единицами, как *снисхождение, терпимость, мягкость, нетребовательность, невзыскательность; либеральность и либерализм* [14. С. 499]. В «Электронном словаре-справочнике синонимов русского языка системы ASIS» (свод общеупотребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами) В.Н. Тришина в этом же синонимическом ряду насчитывается уже 17 членов, один из них – *отзывчивость*; через эту лексему устанавливается семантическая связь слова *толерантность* со словами *мягкость, мягкосердечие, сердечность,*

сочувственность, доброта, мягкосердечность, *сочувствие*, добродушие, участливость, добросердечие, добросердечность, сострадательность, *внимание*, внимательность, участие, чувствительность, душевность, благодушие, чуткость, человечность [15]. Полученные языковые данные мы сопоставили с тематическими полями и тематическими рядами в названном выше идеографическом словаре РФЯ, выбранном нами в качестве основного фразеографического источника. С целью более полного представления фразеологических средств русского языка с тем или иным значением анализировался материал «Словаря фразеологических синонимов русского языка» под редакцией В.Н. Мокиенко (далее – СФСРЯ) [16], поиск по которому был облегчен за счет расположения фразеологических единиц по семантическим доминантам.

Так, посредством выявленной синонимической связи «снисходительность – толерантность – отзывчивость – сочувствие» в самой большой группе фразеологизмов тематического поля «Эмоции и чувства человека» выходим на тематический ряд «Сочувствие», который вынесен в дополнительные и представлен только одной единицей *всем сердцем (всей душой)* ‘всем существом (быть на чьей-либо стороне, сочувствовать кому-л. и т.п.)’ [13. С. 298]. В тематическом ряду «Интерес, Внимание» зафиксирован фразеологизм *входить / войти в положение* ‘понимая состояние, положение и т.п. кого-л., относиться к кому-л. с участием, вниманием’ [13. С. 214].

В то же время низкая степень языковой толерантности подтверждается путем соотнесения количества выявленных «толерантных» фразеологизмов с единицами, определяющими языковую интолерантность. В частности, в пределах поля «Эмоции и чувства человека» к ним можно отнести фразеологизмы, передающие пренебрежение, презрение и неприязнь. Из 53 единиц, представленных в этой группе, показателями интолерантного отношения к «другому» являются следующие: *поднимать (подымать) / поднять на смех кого-либо* ‘высмеивать, осмеивать кого-л. или что-л., насмехаться над кем-л. или чем-л.’ (с помощью данного фразеологизма выражается резкое пренебрежение, презрение к человеку), близкие смыслы передают единицы *падать (падаться) / попасть (попасться) на зубок (на зуб)*, *прохаживаться / пройтись на счет, скалить зубы; поворачиваться/поворнуться спиной* ‘проявлять безразличие, презрительное равнодушие; переставать обращать внимание, реагировать на кого-л.

или на что-л.’ (ср.: *сбрасывать/бросить со счетов (со счета)*); *душа (сердце) не лежит* ‘нет интереса, симпатии, доверия к кому-л. или чему-л. (выражение неприязни с возможным оттенком пренебрежения)’; *ни во что не ставить* ‘совсем не считаться с кем-л. или с чем-л.; относиться с пренебрежением к кому-л. или чему-л., не придавать никакого значения кому-л. или чему-л.’ (ср.: *ни в [медный] гроши не ставить*); *плевать/плонуть (наплевать) в глаза (в лицо)* ‘демонстративно пренебрегать кем-л., игнорировать кого-л.; выражать в самой резкой, грубой форме крайнюю степень презрения, пренебрежения, неуважения к кому-л.’; *пропускать/пропустить мимо ушей* ‘не обращать внимания, никак не реагировать на то, что говорится (выражение равнодушия, пренебрежения к чьим-л. словам, высказываниям, речам и т.д.)’; *показывать (тыкать, указывать) пальцем (пальцами)* ‘открыто, во всеуслышание осуждать, порицать кого-л. или что-л.’, *смотреть (глядеть) сверху вниз – ‘относиться к кому-л. с пренебрежением, свысока, быть высокомерным’* (ср.: *с высоты своего величия*); *крутить носом* – ‘выражать неудовольствие или пренебрежение; выражая неудовольствие или пренебрежение, отказываться от чего-л.’ – всего 15 единиц. К этой же группе может быть отнесен фразеологизм *подливать/подлить масло в огонь* ‘обострять какие-л. отношения, чувства настроения; усиливать недовольство кого-л. или чего-л., обычно в интересах действующего лица’ [16. С. 215].

В тематическом блоке «Свойства и качества характера» в дополнительном ряду «Мягкость. Снисходительность» также обнаруживаем лишь один разговорный фразеологизм *разводить антимонии*, который может быть признан фразеологическим маркером толерантности в одном из значений – ‘проявлять излишнюю мягкость, снисходительность в отношениях с кем-л.’ [13. С. 448]. Обращение именно к этому тематическому блоку объясняется дефиницией лексемы «толерантность», представленной в большинстве словарей иностранных слов, – ‘терпимость, снисходительность к кому-л. или чему-л.’ [17], т.е. семантическим сближением толерантности и снисходительности.

Равнодушие как антиномию отзывчивости препрезентирует достаточно большое количество русских фразеологизмов, однако только в определенных коммуникативных ситуациях. Тематический ряд с таким названием в РФЯ включает 26 фразеологизмов. В то же время в СФСРЯ под лексическими доминантами «Безразлично» и «Равнодушный» собраны многочленные ряды фразеологических синонимов

(от стилистически нейтральных до грубо-просторечных и неодобрительных): *моя хата с краю [ничего не знаю], мое дело сторона, до фонаря, до фени (до фенъки), до лампы (до лампочки, до лампады), по фигу, по барабану, мое дело маленькое, после нас хоть потоп, хоть трава не расти, [все] тряпин-трава* и др. – всего более 40 единиц [16. С. 29, 169].

Фразеологизмы, передающие равнодушие, маркируются как интолерантные, так как безразличие может быть соотнесено с презрением и выражать презрение в том случае, когда «объектом этого безразличия/презрения является личность речевого партнера» [18. С. 121]. Подобные фразеологизмы, употребляющиеся в ситуациях интолерантного межличностного взаимодействия, способны передавать презрение, основанное на отрицании системы ценностей адресата и соответственно на нанесении ему морально-нравственного вреда или «поражения». Например: «Он понимал, что его товарищам будет *до лампочки* история про свалившихся ему на голову родственников, которые вдруг оказались таджиками, и что никто не станет вникать в его ситуацию» (А. Геласимов. Дом на Озерной).

В интенсионал языковой интолерантности входят семантические признаки «осуждение» и «отвержение», которые объективируются фразеологизмами соответственно с интегральной семой ‘осуждать/осудить’ и ‘отвергать/отвергнуть’. В СФСРЯ обнаруживаем следующие единицы: *клеймить/заклеймить позором* (книжн.), *пригвождать/пригвоздить к позорному столбу* (книжн.), *накладывать/наложить клеймо*, объединенные семантикой ‘предавать позору, клеймить кого-л.’; *склонять по всем падежам (во всех падежах)*, *склонять на все (на разные) лады* ‘осуждать кого-л., часто упоминать с неодобрением кого-л.’; *показывать/показать (указывать/указать, тыкать/ткнуть) пальцем (пальцами)* ‘осуждать кого-л., винить кого-л., что-л.’, *дать/давать отворот поворот* ‘решительно отказывать кому-л. в чем-л.’; *и слышать не хочет (не желает)* ‘о решительном отказе кого-л., чего-л.’ и др. [16. С. 129–131].

Периферию объективации толерантности/интолерантности в языке занимают немногочисленные фразеологизмы биномной категории «согласие/отказ»: *не иметь ничего против, подписаться/подписываться обеими руками, говорить сказать [свое] «да, давать (дать) добро* [16. С. 188] – посыпать/послать к черту (и ряд грубо-просторечных единиц, построенных по данной модели), *открытым текстом, давать/дать отлуп* [16. С. 131].

На периферии находится фразеологизм *разводить антимонии*, представленный также в тематическом блоке «Характеристика явлений и ситуаций» в дополнительном ряду «Церемонность, условности» в значении ‘соблюдать излишние церемонности, условности в отношениях с кем-л.’ [13. С. 807]. Несмотря на то что в словаре не отмечены эмоционально-экспрессивные свойства данного фразеологизма, следует сказать, что в процессе его функционирования чаще актуализируются отрицательные смыслы. Сравним: «— Ну, вот видите, — он ей говорит и за руку ее взял. Она руку выдернула. — Ничего, говорит, не вижу. Это вы видите, чего и нет. А мы с ним вот (это значит со мной) люди простые. Враги так враги, и нечего тут **антимонии разводить**. Ихнее дело — смотри, наше дело — не зевай» (В.Г. Короленко. Чудная). Говорящий категорически отрицает необходимость соблюдения каких-либо условностей в отношениях, подчеркивает враждебность участников коммуникативной ситуации, противоположность их позиций («ничего… не вижу» — «вы видите», «ихнее дело» — «наše дело»).

По сути, толерантное отношение оценивается русским языковым сознанием отрицательно. Немаловажную роль в формировании коннотации сыграло нарушение меры — чрезмерное, излишнее перестает цениться и восприниматься адекватно. Поэтому коммуникативная ситуация, в которой употребляется фразеологизм *разводить антимонии*, является интолерантной.

Заметим, что во фразеологической системе русского языка негативно оценивается как излишняя церемонность —ср. со смыслом косвенно-производной единицы *китайские церемонии* ‘утомительные и ненужные условности: излишние проявления вежливости, бессмысленный этикет’, зафиксированной современными фразеологическими словарями [19. С. 499; 20. С. 741; 21. С. 100], — так и бесцеремонность, фамильярность: сема «ироничное» присутствует во фразеологическом значении выражений *будто бы они вместе свиней (коров, скот) пасли* и *будто бы они под одним солнышком (солнцем) портнянки (онучи) сушили* [16. С. 217].

Систематизируя собранный языковой материал, приходим к выводу о том, что проявлениями языковой толерантности/интолерантности на фразеологическом уровне являются процессуальные косвенно-производные единицы семантического класса «Отношение», т.е. единицы, раскрывающие межличностные или социальные

отношения. К ним относятся фразеологические единицы эмоционально-оценочного отношения или внешнего проявления отношения, расположения к контакту или, напротив, отчуждения.

Обозначим фразеологически вербализованные семантические признаки (маркеры) языковой толерантности и языковой интолерантности.

**Семантические маркеры толерантности/интолерантности
на фразеологическом уровне**

Семантические маркеры языковой толерантности	Число фразеологических репрезентантов	Семантические маркеры языковой интолерантности	Число фразеологических репрезентантов
Снисходительность	1	Презрение (пренебрежение, неприязнь)	15
Сочувствие	1	Осуждение	7
Отзывчивость	5	Равнодушие	40
Внимание	1	Отвержение	8
Согласие	4	Отказ	7
Условность	1	Бесцеремонность	2

Из таблицы видно, что нам удалось выделить одинаковое количество семантических признаков языковой толерантности и языковой интолерантности, образующих семантические биномы «снисходительность – презрение», «сочувствие – осуждение», «отзывчивость – равнодушие», «внимание – отвержение», «согласие – отказ», «условность – бесцеремонность», и эти смыслы можно признать национально-культурно значимыми и актуальными, формирующими особый фрагмент русского языкового сознания. При этом числовые показатели представленности в языке фразеологических единиц демонстрируют асимметрию толерантности/нетолерантности. В каждой семантической паре доминируют вербализаторы интолерантности, что, в свою очередь, свидетельствует о невысокой степени значимости толерантности для русской лингвокультуры.

Таким образом, в результате исследования было уточнено понятие языковой толерантности/интолерантности на фразеологическом материале русского языка, выделены семантические признаки толерантного и нетолерантного отношения, репрезентированные русскими фразеологическими средствами, определяющими сущность и специфику представления о толерантном/нетолерантном во фразеологическом фрагменте русской языковой картины мира.

Проанализированные единицы входят в актуальный корпус русской фразеологии, поскольку обнаруживаются в словарях всех фразеографических изданий, вышедших в первой четверти XXI в., в частности во Фразеологическом словаре современного русского языка под ред. А.Н. Тихонова [19] и в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под ред. В.Н. Телия [22]. Сложность же параметризации фразеологических единиц как вербализаторов языковой толерантности/интолерантности вызвана, безусловно, заимствованным характером концепта «Толерантность», а следовательно, и «чуждостью» системы представлений о том, какое отношение и поведение считать нетолерантным.

Список источников

1. *Растаманцева С.Г.* Репрезентация концепта «толерантность» в русском языке : автореф. дис. канд. филол. наук. Елец, 2008. 19 с.
2. *Аболин Б.И.* Концепт «толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте : автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 23 с.
3. *Сумина Е.С.* Толерантность: от феномена к лингвокультурному концепту : автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 22 с.
4. *Богатырева С.Н.* Диахронический аспект концепта толерантность в разных лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2010. 33 с.
5. *Нагаева К.Э.* Терпение, терпимость, толерантность в русской языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 12 (805). С. 186–196.
6. *Жданова И.И.* Толерантный газетный дискурс (на материале русскоязычной зарубежной прессы) : автореф. дис. канд. филол. наук. Мурманск, 2015. 24 с.
7. *Долгова И.А.* Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 205 с.
8. *Воропаева В.А.* Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 168 с.
9. *Же Ли.* Семантика концепта «толерантность» и способы его лексической репрезентации в русском языке // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 104–114.
10. *Бариловская А.А.* Лексическое выражение концепта «Терпение» в истории и современном состоянии русского языка : дис. канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 207 с.
11. *Южакова Ю.В.* Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности : дис. канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 203 с.
12. *Голев Н.Д.* Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М., 2005. С. 52–55.

13. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник: около 1500 фразеологизмов. 6-е изд., стереотип. М. : Дрофа, 2008. 894 с.
14. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 2001. 568 с.
15. Тришин В.Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonyms/ (дата обращения: 20.12.2023).
16. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.Н. Мокиенко. М. : АСТ-Пресс, 2009. 444 с.
17. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.
18. Ладучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) / отв. ред. В.А. Успенский. М. : Наука, 1985. 271 с.
19. Фразеологический словарь современного русского языка / под ред. А.Н. Тихонова : в 2 т. М. : Флинта ; Наука, 2004. Т. 1. 832 с.
20. Бирюх А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М. : Астрель ; АСТ ; Люкс, 2007. 926 с.
21. Лаптева М.Л. «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве: Познавательный словарь-справочник. Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2019. 204 с.
22. Большой фразеологический словарь русского языка / [авт.-сост.: И.С. Брилева и др.]; отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-Пресс, 2009. 781 с.

References

1. Rastatueva, S.G. (2008) *Reprezentatsiya kontsepta "tolerantnost'" v russkom jazyke* [Representation of the concept “tolerance” in the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Elets.
2. Abolin, B.I. (2009) *Kontsept "tolerantnost'" v kognitivno-diskursivnom aspekte* [The concept “tolerance” in the cognitive-discursive aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
3. Sumina, E.S. (2007) *Tolerantnost': ot fenomena k lingvokul'turnomu kontseptu* [Tolerance: from a phenomenon to a linguistic and cultural concept]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
4. Bogatyreva, S.N. (2010) *Diakronicheskiy aspekt tolerantnost' v raznykh lingvokul'turakh* [The diachronic aspect of tolerance in different linguistic cultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Pyatigorsk.
5. Nagaeva, K.E. (2018) Patience, tolerance, tolerance in the Russian language picture of the world. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* 12 (805). pp. 186–196. (In Russian).
6. Zhdanova, I.I. (2015) *Tolerantnyy gazetnyy diskurs (na materiale russkoyazychnoy zarubezhnoy pressy)* [Tolerant newspaper discourse (based on the

- material of the Russian-language foreign press)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Murmansk.
7. Dolgova, I.A. (2006) *Konseptual'noe pole "terpenie" v angliyskoy i russkoy lingvokul'ture* [The conceptual field “patience” in English and Russian linguacultures]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
 8. Voropaeva, V.A. (2007) *Sopostavitel'naya kharakteristika angliyskikh, nemetskikh i russkikh paremiy i frazeologizmov, vyrazhayushchikh tolerantnost'* [Comparative characteristics of English, German and Russian paroemias and phraseological units expressing tolerance]. Philology Cand. Diss. Moscow.
 9. Zhe, Li. (2007) Semantics of the concept “tolerance” and means of its lexical representation in the Russian language. *Lingvokul'turologiya*. 1. pp. 104–114. (In Russian).
 10. Barilovskaya, A.A. (2008) *Leksicheskoe vyrazhenie kontsepta "Terpenie" v istorii i sovremenном sostoyanii russkogo yazyka* [Lexical expression of the concept “Patience” in the history and current state of the Russian language]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
 11. Yuzhakova, Yu.V. (2007) *Tolerantnost' massovo-informatsionnogo diskursa ideologicheskoy napravленности* [Tolerance of mass information discourse of ideological orientation]. Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
 12. Golev, N.D. (2005) Tolerantnost' kak vektor antinomicheskogo bytiya yazyka [Tolerance as a vector of the antinomic existence of language]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: OLMA-press. pp. 52–55.
 13. Yarantsev, R.I. (2008) *Russkaya frazeologiya: slovar'-spravochnik: okolo 1500 frazeologizmov* [Russian phraseology: dictionary reference: about 1,500 phraseological units]. 6th ed. Moscow: Drofa.
 14. Aleksandrova, Z.E. (2001) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskiy spravochnik: Ok. 11 000 sinonim. ryadov* [Dictionary of synonyms of the Russian language: A practical guide. About 11 000 groups of synonyms]. 11th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
 15. Trishin, V.N. (2023) *Elektronnyy slovar'-spravochnik sinonimov russkogo yazyka sistemy ASIS* [Electronic dictionary-a reference book of synonyms of the Russian language of the ASIS system]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonyms/ (Accessed: 20.12.2023).
 16. Mokienko, V.N. (ed.) (2009) *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language]. Moscow: AST-Press.
 17. Egorova, T.V. (2014) *Slovar' inostrannykh slov sovremennoego russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words of the modern Russian language]. Moscow: Adelant.
 18. Paducheva, E.V. (1985) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: (Referential'nye aspekty semantiki mestoiimeniy)* [The utterance and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow: Nauka.

19. Tikhonov, A.N. (ed.) (2004) *Frazeologicheskiy slovar' sovremennoogo russkogo jazyka* [Phraseological dictionary of the modern Russian language]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Flinta: Nauka.
20. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova L.I. (2007) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskiy slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.
21. Lapteva, M.L. (2019) *"Chuzhoe" v "svoem" frazeologicheskem prostranstve: Poznavatel'nyy slovar'-spravochnik* ["Someone else's" in the "own" phraseological space: A cognitive reference dictionary]. Astrakhan: Izdatel': Sorokin Roman Vasil'evich.
22. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo jazyka* [A large phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: AST-Press.

Сведения об авторах:

Лаптева Мария Леонидовна – д-р филол. наук, заведующая кафедрой русского языка Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева (Астрахань, Россия). E-mail: hohlina2004@yandex.ru
Васильева Юлия Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева (Астрахань, Россия). E-mail: gis_00@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Maria L. Lapteva, Dr. Sci. (Philology), head of the Russian Language Department, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: hohlina2004@yandex.ru
Yulia A. Vasilyeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: gis_00@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.02.2024;
одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 22.05.2024.*

*The article was submitted 16.02.2024;
approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 22.05.2024.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит четыре раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – С.С. Земичева.
E-mail: lexikograph2020@yandex.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2024. № 32

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 01.06.2024 г. Формат 80×84 1/16.
Печ. л. 6,1; усл. печ. л. 5,6. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5925.

Дата выхода в свет 04.06.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru